

Виср II 1037/11.1/Р.1

ПРИКЛЮЧЕНЯ

Т Р А Д И М А К А

СЫНА УЛИСЕВА

ОДЪ

ФЕНЕЛОНА.

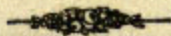
ПРЕВЕО СЪ ФРАНЦУСКОГА

СТЕФАНЪ ЖИВКОВИТЬ,

А ПО ТРЕБИЙ ПУТЬ

ПРЕПЕЧАТАО:

ЄРЕМІЯ ОБРАД. КАРАЦИТЬ.

ДРУГА СВЕСКА.

У БЕОГРАДУ.

У Штампарији Николе Стефановиѣ.

1865.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

СЫНА УЛИСЕЯ

или

ФЕНИКОНА

переводъ съ французскаго

СТЕФАНА ЖИРКОВИЧА

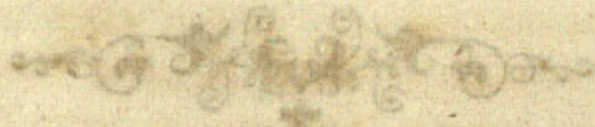
и по французскому

изданію

СВЯТЫХЪ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

въ Типографіи Императорскаго Университетскаго Издательства

1868

ТЕЛЕМАКЪ.

КНИГА СЕДМА.

Кадъ Телемакъ доконча овай разговоръ, све Нимфе, коє досадъ недвижимо стаяу съ очима прилепльнимъ за нѣга, згледаше се, и међу собомъ зачуђене говорау, каква су ова два човека овако люблѣна одъ богова? Ёсмо ли икадъ чули оваки чудесни приключеня? Сынъ Улиса превосходи свога оца у красноречію, у мудрости и у храбрости! какво лице, какова красота, какова любкость, какво благообразіе, но какво благородство! какво величество! Да га непознаемо, да є сынъ єднога смртнога, помислиле бы ласно, да є Бакусъ, да є Меркури, или башъ сами велики Аполонъ. А ко є овай Менторъ, што се чини человекъ простъ, неизвѣстанъ и среднѣга станя? кадъ га изъ близа гледамо, наодимо у нѣму нешто више, него у човеку.

Калипсо слушаше ову беседу са смућеношћу, кою немогаше сакрити: нѣзине блудеће очи иђау непрестано одъ Ментора до Телемака, и одъ Телемака до Ментора. Неколико пута рада быяше да Телемакъ опетъ започне то дуго повествованъ свои приключеня; после у путъ сама себе прекидаше. На последакъ скочи на єданъ ма, одведе Телемака у єданъ лѣсъ одъ Мирта, гди га свакояко испитиваше и хотяше знати, да ли є Менторъ какво покривено божество подъ видомъ човека. Телемакъ іой немогаше то казати; єрбо Минерва руководећи га подъ образомъ Ментора, небыяше му се відкрила збогъ узрока нѣгове велике младости. Она се іоштъ неповераваше довольно нѣговомъ тайнохраненю, да бы му поверила своя намереня. Иначе га она хотяше чрезъ найвеће беде искусити: єрбо, да є онъ знао, да є Минерва покрай нѣга, уздаюћи се на нѣзину силну помоћъ, небы имао муке презирати найужасніе беде. Онъ дакле држаше Ми-

нерву за Ментора: и све хитрости Калипсине быяу бесполезне, како бы открила све, што желяше знати.

Међутимъ Нимфе сакуплѣне около Ментора испитивау га съ радошћу: една га питаше о обстоятелствама нѣговога путованя у Етиопію; друга быяше рада знати, шта е видіо у Дамасу; друга га опеть питаше е ли онъ познавао Улиса пређе опсаде Трояске: и све нѣгове речи премда быяу просте, опеть за то быяу пуне красоте.

Калипсо неостаде за дуго у ономъ разговорѣ, и врати се натрагъ. Нимфе почеше брати цвѣће певаюћи, да бы развеселиле Телемака; а Калипсо узе на страну Ментора, да се говори съ нѣмѣ. Тихо испаренѣ сна неизлива се слађе на дремне очи и на членове тела утруђена човека, као што се подвлачау лажљиве речи богинѣ за успавати срце Менторово, али она чувствоваше свагда незнамъ нешто, што одбіяше сва нѣзина усиливаня, и што се играше с' нѣзинимъ лукавствомъ: подобанъ престрмевой стени, коя своимъ врхомъ преднавишуе облаке, и коя се смее разярености ветрова, Менторъ непоколебимъ у своимъ мудримъ намереняма, не даваше се притешнявати одъ Калипсе. По неки путь даваше іой надежду, да ће га она привести у сметню нѣзинимъ питаньима, и да ће моћи истину изъ глубине нѣгова срца извучи; али башъ у кой часъ мисляше удовлетворити своѣ любопитству, нѣзине надежде изчезавау: што себи ображаваше да е добила, то іой утицаше, и кратки одговори Ментора погружавау е у неизвестности.

Тако она провођаше дане, часъ ласкаюћи Телемаку, часъ искаюћи средства, како ће уклонити Ментора, кога се више ненадаше да ће приклонити да говори. Она употребляваше најлепше Нимфе, да бы оганъ любви у срцу младога Телемака запалиле. Іоштъ едно божество силнѣе, него што е она дође къ томе у помоћъ, да бы у томъ успела.

Венера іоштъ пуна гнѣва одъ презреня Менторова и Телемакова, показаного справъ богослуженія, ков се нѣойзи чиняше на острову Кипру, быяше неутешима, што су ова несмиелена два утекла одъ ветрова и одъ морске буре подигнуте самимъ Нептуномъ. Она зато горко плакаше кодъ Юпитера: отаць богова любко се насмея нехотевши нѣойзи казати, да е Минерва подъ видомъ Ментора избавила сина Улисова: и даде дозволенѣ Венери да тражи средства, како ће се осветити на оной двойци.

Она остави Олимпъ; заборава и кадила, која се жегу на нѣзнимъ олтарима у Пафосу, у Цитереи и у Идалии: одлети на своимъ колима која вукоше гелубови, и поведе свога сина; жалость простираше по нѣзиномъ лицу нове красоте, и она овако своме сину говораше:

Видишь ли сине мой она два човека, кои презиру и твою и мою власть: ко ће насъ одъ сада обожавати? иди прободи твоимъ стрелама она два нечувствителна: сиђи самномъ заедно на онај островъ; я ћу разговорити се с' Калипсомъ. Изрекши и просецајући воздухове у златномъ облаку дође предъ Калипсо, која тада сама сеђаше кодъ еднога извора недалеко одъ нѣзине пештере.

Несрећна богиньо! рече јој она: неблагодарни Улисеъ пре-небрегао те е; синъ нѣговъ јошрѣ тврђи одъ нѣга спрема се к' истомъ презреню; али Аморъ самъ долази, да се за васъ освети: я га остављамъ кодъ васъ, нека међу вашимъ нимфама пребуде, као што е негда мали Бакусеъ одранѣвъ быо међу нимфама на острову Наксосу. Телсмакъ сматраће га као неко обично дете: пеће се ништа сумњати, и ускоро ће почувствовати Аморову силу. Изговоривши ово, одлети опетъ у ономъ златномъ облаку, одъ куда е и дошла; за собомъ просу мирисъ Амвросіа, коимъ сви Калипсини лугови замирисаше. Аморъ остаде у наручјама Калипсинимъ. Премда е богиня, опетъ зато не осећаше пламенъ, кой се разливаше по нѣзнимъ пр-сима. Да бы облакшала свою болю, преда га она Нимфи, која близу нѣ стояше, названой Евхарисъ. Но о! колико се реди кајала, што е то учинила.

С' почетка не быаше ништа невиніегъ, миліегъ, любезніегъ, немудреніегъ ни красніегъ одъ овога младенца. Гледајући га весела, умилна и све смејућа се, мислио бы човекъ да онъ не знаѣше друго што причинявати, осимъ радости: едва се нѣговимъ умиленјама поверимо, кадъ већ у томъ почнемо осећати нешто отровано: дете злобно и лажљиво умиљаваше се само да бы преварило. Никада се несмејаше, осимъ за люта зла, која е починило, или која намераваше учинити.

К' Ментору се несмејаше ни приближити: зашто се ужасаваше одъ нѣгове строгости, и оно осећаше, да се овај незна-ни немогаше уязвити, по томе што га ни една нѣгова стрел-лица немогаше пробости. Нимфе ускоро осетише огань, койово преласкајуће дете поджеже: али сакривау дубоку

рану, која се отровомъ испуњаваше на њиовимъ срцама. Телемакъ међутимъ видећи то дете да се игра с' Нимфама, удиви се његовој любкости и красоти. Загрли га, и часъ га меташе на колена, часъ у наручїя, и у себи самомъ већъ поче осећати неко безпокойство, чему узрока немогаше наћи. Што се више радъ быяше невинно играти, то се све више смућаваше и разнежаваше. Видите ли ове нимфе? говораше онъ Ментору: колико су оне различнїе одъ оне жена изъ острова Кипра, кои в лепота безстидна збогъ неблагообразїя! Ове безсмртне красоте показую стидљивость, невиность и преласкаюћу простоту. Овако говорећи заруменяваше се онъ незнаюћи зашто. Немогаше се уздржати, да неговори; но едва почне говорити и не може већъ да продужава: речи му быяу као пресечене, тамне и кадшто безъ свакога смисла. Менторъ њму одговори: о телемаче! Опасности острова Кипра, ништа нису прама овима, одъ кои се вы сада ни мало нечувате. Одъ порока груби у жасъ имамо, на скотеке безстидности срдимо се; али красота благообразна много в опаснїя: любећи ю мы мислимо да любимо добродетель. Неприметно даемо се водити чарима ласкаюћим, страсть кою пре неможемо да упазимо, него кадъ већъ времена немамо, да ону угасимо. Бежите мой предраги Телемаче и клоните се вы одъ ти нимфа, коє се зато тако благоразумне чине, само да васъ болъ преваре; бежите одъ опасности ваше младости, а сврху свега бежите одъ тога младенца, кога вы не познаете. То в Купидонъ кога в Венера на тай островъ довела, да бы се на вама осветила за презренїе учинїно одъ васъ њзиномъ служеню у Цитереи. Онъ в уязвио срце богинї Калипсо, коя за вама страда. Онъ в упалио све нимфе, коє га окружаваю, и вы сте се сами упалили о несрећни млади члове, кой то не познаете!

Телемакъ бы често прекидао Ментора у беседа, говорећи му: зашто небы мы на овомъ острову живили? Улисеъ нїе више живъ; онъ се морао одавно утопити у мору. Пенелопа невидећи ни њга ни мене да се враћамо, нїе већъ могла противостати толикимъ просїоцима; њзинъ отаць Икаръ вальда ю в принудїо, да узме другога мужа. Да се повратимо у Итаку, да ю видимо заплетену у нове заплете, и нарушившу заклетву дану моме родителю. Итакїявци су заборавили Улиса. Мы се тамо неможемо вратити, да не нађемо известну смрть; будући да су любавници Пенелопини овладали свима приступима при-

станишта, како бы болѣ устроили нашу погибель, када се вратимо натрагъ.

Менторъ му на то одговори: ево ти порока слепе страсти; тражимо с' оштроумлѣмъ узроке, кои оной помажу, а одъ свію они узрока одвраћаймо се, кои ню осуђую. Онда нисмо за друго оштроумни, него да варамо саме себе и да задаємо себи муке савести. Све ли сте заръ заборавили, што су богови чинили, да васъ доведу у отечество ваше? како сте изишли изъ Сициліе? Беде, ков сте претрпили у Египту, нису ли се променуле нечаяно у среће? Какова є невидима рука избавила васъ изъ опасности, у којма сте се наодили у граду Тиру? И после толики чудеса іоштъ незнате, шта су судбине за васъ приуговиле; што се мене тиче, я идемъ, и знаћу, како ћу изъ овога острова изићи. Худи сине оца толико мудра и племенита! проводите овде животъ нежанъ и безчестанъ међу женама! чините противу волѣ богова оно, што вашъ родитель ніе за себе достойно наодио.

Ове укорне речи проникосе у внутреность душе Телемакове: онъ се разнежи спрамъ Ментора; нѣгова боля быяше помешана са стыдомъ: онъ се бояше колико гнѣва, толико одлазка овога мужа овако мудра, коме онъ толико быяше дужанъ благодарити. Али страсть новорођена, кою ни самъ непознаваше, быяше узрокъ, што онъ небыяше онай истый человекъ. Шта дакле? говораше онъ Ментору съ пунимъ очима суза: заръ вы ни зашто не почитуете безсмртіе, ков є богиня мени поднела? ни зашто не почитуемъ, одговори Менторъ, све оно, што є противъ добродетельи и противъ богова; добродетель васъ зовету у ваше отечество, да видите Улиса и Пенелопу: добродетель вамъ запрећуе предавати се неразумной страсти. Богови, кои су васъ спасли одъ толики погибелни случая, да бы приуговили вама славу подобну слави вашего родителя, заповедаю вамъ, да оставите островъ. Єдини Аморгъ іоштъ, онай срамни мучитель, може васъ ту задржати. Хей! а шта бы чинили са животомъ безсмртнимъ неимаюћи слободе, добродетельи и славе. Тай бы животъ быо много несрећни у томъ, што небы кончине имао.

Телемакъ на ово само са уздисанѣмъ одговараше: кадшто бы желію, да га Менторъ како одтргне, противъ нѣгове волѣ, одъ овога острова; кадшто радъ быяше видети да Менторъ пође, да нема више предъ очима овога строгаго пріятеля, кой му

преговараше нѣгову слабость; све те една другой противне мысли обезпокоявау нѣгово срце; и ни една небыаше постоянна. Срце нѣгово быаше подобно мору, съ коимъ се играю сви противни ветрови. Често лежаше недвижимъ, и пребываше украй мора, а често у густой шуми проливаше горке сузе и викаше подобно рики лава. Постаде мршавъ: нѣгове упале очи быяу пуне прождируюћа огня; гледаюћи га бледа, жалостна и променѣна у лицу, рекао бы, да то нѣ Телемакъ. Нѣгова красота, нѣгова мудрость, благородна поноситость далеко бегау одъ нѣга; онъ пронадаше онако, као цветъ кой ютромъ развѣнъ разсипа по полю свое сладке мирисе, а мало помало предъ вечеръ вене, и нѣгове живе боѣ ишчезаваю, па савъ изнемогне и осуши се; лепи нѣговъ венацъ клоне и више неможе да се држи. Тако синъ Улиса быаше предъ вратима смрти!

Менторъ видећи, да Телемакъ неможе да противстане толикой жестокой страсти, умисли едно намеренѣ пуно хитрости, да бы га избавио одъ тако велике опасности. Онъ в уемотріо да Калипсо Телемака смртно любляше; и да Телемакъ на исти начинѣ любляше младу нимфу Евхарису. Србо свирепи Аморгъ, да бы люто смртне мучію, чини, да никада не любимо оно лице, коѣ насъ люби. Менторъ науми подићи саревнѣвность у Богини Калипсо. Евхариса одвела в была Телемака у ловъ, и Менторъ рече Калипси: я самъ приметію у Телемаку неку страсть къ лову, кою нисамъ нигда у нѣму виђаю; то едно удовольствие учинило в да се онъ гнушава одъ свакога другога; ни зашто више немари, као за шуме и найдивлѣ планине. Вы ли богиню у нѣму усељавате тай тако велики жаръ?

Калипсо се ужасно разсрди, кадъ чу ове речи; и немогаше се уздржати. Овай Телемакъ, одговори она, кой в презрею сва удовольства острова Кипра, неможе да противстане среднѣй красоти едне одъ мои Нимфи. Како се сме онъ хвалити, да в толика чудесна дела починію, онъ, кога се срце тако безчестнимъ сладострашѣемъ умекшало, и кой се невиди, да в зашто друго рођенъ, осимъ да проводи неизвѣстанъ свету животъ овде међу женама? Менторъ видећи колико саревнѣвность могаше узбунити срце Калипсино, ништа више о овомъ непроговори, боѣи се да небы у сумню пао противъ себе: онъ іой само лице невесело и жалосно показиваше. Богиня му одкриваше сву тугу о свимъ стварима, коѣ она виђаше, и чиняше безпрестано нове тужбе. Тай ловъ, о коме в нѣойзи Менторъ

напоменуо, са свимъ в баци у ярость. Она дознаде, да Телемакъ нѣ то за друго што учинио, него само да се избави из-предъ очію други Нимфа, да бы се могао разговарати съ Евхарисомъ. Већъ и други ловъ уговорише, у коме она предвиђаше, да ће онъ учинити као и у првомъ. Да бы уништижила Телемаково намеренѣ, она обяви, да е и она рада да буде у томе лову. По томъ на еданъ ма немогавши више уздржати се и умерити свой гнѣвъ, овако му стаде говорити: тако ли си ты о млади безумни дошао на мой островъ, да се избавишъ одъ праведнога кораблѣкрушенія, кое ти е Нептунъ приуготовио, и одъ освете богова? Зато ли си ушао у мой никаквомъ смртномъ неприступни островъ, да презирешъ мою власть и любовъ, кою самъ я теби указала? О божества Олимпа и Стикса! послушайте одну несрећну богиню, похитите и смутите овога вероломника, овога неблагодарнога, овога безбожника! кадъ си ты јоштъ жећши и неправедни него што е твой отацъ быо, можешъ ли ты подносити јоштъ дужа зла и свирепія него што су нѣгова! Не, не, да никада ты невидишъ твога отечества, ону бедну и худу Итаку, кою се ниси стидіо предпочествовати безсмртію! или болъ, видећи е изъ далека да пропаднешъ у средъ мора; тело твоє, поставше игромъ волна мореки, да буде избачено безъ надежде погребѣ на песакъ овога морскога брега очи мое да виде како га ястреби и гаврани растржу и она, кою ты любишъ, да то види! она ће то видити; нѣзино ће срце зато бити рашчупано, и нѣзино очаянѣ причиниће мою срећу.

Говорећи овако Калипсо имађаше очи црвене и пламене. Нѣзини погледи нигде нестоју: имађа незнамъ нешто мрачно и зверско. Образи дрктајући быяу поцрвенили и побледили. Сваки часъ јој се цветъ лица променяваше. Нѣзине сузе неизливау се више, као други путъ съ изобилѣмъ; разяреность и очаянѣ, као да быяу изсушиле изворъ суза, едѣ јоштъ по гдекоя течаше низъ образе; гласъ јој быяше промукао, дрктајући и пресеченъ.

Менторъ мотраше сва ова движенія, и ништа Телемаку неговораше: онъ га држаше као болна очаяна, кога люди оставляю; често бацаше на нѣга погледе састрадајуће. Телемакъ осећаше већъ, колико е быо кривъ противъ пріятельства Менторова. Несмеђаше очію подигнути, боѣћи се, да несусретне очи свога пріятеља, кога едино ћутанѣ већъ га осуђаваше. Неколико пута желяше пасти му около врата и засведочити

му, колико се кае за своју погрешку. Али задржаванъ быяше часъ зломъ некомъ стидливошћу, часъ боѣки се, да далъ не пође, него што бы удалю се одъ опасности. Зашто му се опасность чиняше сладка, и немогаше се јоштъ решити, да победи своју луду страсть. Богови и богинѣ Олимпа сабрани у дубокомъ ћутаню управили быяу свое очи къ Калипсиномъ острову, да виде, ко ће победити или Минерва или Аморгъ. Аморгъ играюћи се съ нимфама быяше све у острову метао у огань. Минерва подъ видомъ Ментора употребляваше зависть неразставну одъ любви противъ саме любви. Юпитеръ хотяше бити само гледаоцъ тога борења, и не бити ни съ чіе стране у помоћи.

Међутимъ Евхарисъ, која се бояше, да јој небы Телемакъ утекао, употребляваше хиляду хитрости, да бы га удржала у своимъ свезама. Већъ готова быяше поћи у други ловъ, и быяше оденута као Діана; Венера и Купидонъ обукли е быяу у нове чари тако, да тога дава нѣзина красота помрачаваше красоту саме богинѣ Калипсо, која сматраюћи е изъ далека огледаше себе у едномъ одъ најчистиі свои извора, и стиђаше се видити себе. После сакривши се у глубину пештере свое овако сама себи говораше :

Ни нашто ми дакле не служи, што самъ хотела смутити ово двое залюблѣни, казиваюћи да ћу и я поћи съ њима у тай ловъ. Оћу ли поћи? поћи, да учинимъ ону победителкомъ и мојомъ красотомъ нѣзину да повисимъ? треба ли да се Телемакъ, кадъ види, јоштъ страстніе у своју Евхарису залюби? о несрећна шта самъ я учинила! не, нећу я у ловъ ићи; али нека ни они неиду; знаћу я, како ћу њи одъ овога задржати. Идемъ да нађемъ Ментора, молићу га, да узме Телемака, и да га одведе у Итаку; ахъ! шта я говоримъ? шта ће одъ мене бити кадъ Телемакъ одавде отиде? где самъ я? шта остае чинити? о свирепа Венеро! Венеро! вы сте мене преварали! о вероломни даре, кои сте ми учинили! о зловредно дете! заражени Аморе, я самъ мое срце теби отворила у надежди, да срећно живимъ съ Телемакомъ; а ты си мое срце испунио ядомъ и очаянѣмъ! мое су се нимфе подигле противу мене, мое ми божество неслужи ни къ чему другомъ, него да учини мою несрећу вечномъ. Ахъ зашто нисамъ слободна, да себи смръть задамъ, да окончамъ мое жалости люте. Телемаче, ты валя да умрешъ, кадъ немогу я умрети! я ћу се осветити за твоє неблагодарности: то ће твоя нимфа видети. Я ћу тебе пробости

предъ нѣзримъ очима, ахъ! я сама сипла съ ума, о несреѣна Калипсо! шта оѣнешъ ты? не вина човека да упропастишь, кога си сама низринула у бездну несреѣе! Я сама она, коя сама несреѣни оганъ зажегла у прсима невиногз Телемака. Какова невиность! какова добродетель! какова одвратность одъ порока! какво мужество противу срамни удовольства! требаше ли напоити отровомъ нѣгово ерце? онъ бы мене оставио! добро дакле! нѣ ли болъ, да онъ мене остави, или да га гледамъ овуда пуна презрениа противу мене, и живеѣа само за мою са-противницу? не, я справедливо страдамъ, еръ сама заслужи-ла. Поѣи, иди съ богомъ Телемаче! преко далеки мора, остави Калипсу безъ утехе, немогућу сносити животъ, нити наѣи смрти. Остави е неутешну, покривену срамотомъ, и очаяну съ твоіомъ гордельивомъ Евхарисомъ.

Овако она сама бесеѣаше у своіой пештери, пакъ на еданъ путь устремлѣно искочи на полъ. Где сте вы Менторе? рече она, тако ли вы чувате Телемака одъ порока, у коима онъ веѣъ пропада? вы толико спавате, колико Аморъ бди противу васъ. Я више немогу да сносимъ ваше подло равнодушіе и немарность, кою вы указуете. Оѣете ли единако спокойно да гледате сына Улисова, да безчести свога родителя, и да пренебрегава високо свое определенъ? Кома ли су, вами или мени, поверили нѣгови родительи нѣгово поведенъ? я тражимъ средства, како ѣу да излечимъ нѣгово ерце, а вы заръ ништа неѣете да чините? На едномъ удалѣномъ месту ове шуме имаде велики топола, кое могу послужити къ построению лаѣе, онде е и Улисъ свою начинію, кадъ е изишао изъ овога острова. Вы ѣете на истомъ месту наѣи едну провалу у каменю, и у нѣой сва нужна оруѣа, съ коима ѣете отесати и сложити све гредѣ лаѣе. Текъ што е ове речі изговорила, али се тай часъ и покаяла. Менторъ ни едного часа не изгуби; отиде у ону развалу. и наѣе оруѣа, обори тополе и начини за еданъ данъ лаѣу, коя пловити могаше, ербо могуѣство и прилѣжанъ Минерве нетребаю дуго времена па да се докончаю найвеѣа дела.

Калипсо се наоѣаше у ужасной туги душе: съ едне стране хотяше видети, успева ли посао Менторовъ; а съ друге немогаше се решити да остави ловъ, у коме бы Евхариса была у савршеной слободи съ Телемакомъ. Зависть недозволяваше іой да икада испусти испредъ очію ово двоѣ залюблѣни, но стараше се да обрне ловъ на онай пределъ, на коме Менторъ пра-

вляше лађу. Она чуяше ударе сикира и малђва, и проклиняше уво; одъ свакога удара стрепляше. Но башъ у томъ магновеню ока, она се бояше, да іой то уображаванѣ неодузме какавъ знакъ и погледъ очію Телемакови къ молодой Нимфи.

Међу тимъ Евхариса говораше Телемаку гласомъ шальвимъ; небойте ли се, да васъ Менторъ не прекори, што сте безъ нѣга у ловъ пошли? како сте сажаленя достойни, што живите подъ учителѣмъ тако суровимъ, чію строгость ништа неможе да ублажи! Онъ се силомъ чини као неприятель свакога увеселеня: онъ неможе да трпи, да вы ишта уживате. Онъ вамъ за преступленѣ приписуе найневиніе ствари. Вы сте одъ нѣга могли зависити, кадъ нисте были у станю сами собомъ да руководите. Но садъ, кадъ сте показали толико мудрости, неваля да пустите, да васъ држи іоштъ за дете.

Ове хитре речи прободоше срце Телемаково, и испунише га гнѣвомъ противу Ментора, чій иго онъ хотяше да збади. Онъ се бояше видети га, и ништа Евхариси неодговараше, толико быяше смућенъ. На последакъ предъ вечеръ, кадъ ловъ прође, и съ ѣдне и съ друге стране у безпрестаномъ притешненю, изиђоше изъ еднога угла шуме доста близу оногъ места, на коме Менторъ цели данъ рађаше. Калипсо опази изъ далека лађу готову; нѣзине очи покрише се на еданъ ма густимъ облакомъ, подобнимъ облаку смрти. Нѣзине дрктаюће ноге подклецавау подъ нѣвомъ: хладни зной течаше крозъ све членове нѣзинога тела: быяше принуђена да се наслони на Нимфе, коєю окружавау: Евхариса пружаше іой руку да бы ѳ подржала; она ѳ отури погледавши ужасно. Телемакъ видивши ту лађу, а невидивши Ментора, зашто се онъ быяше удаліо свршивши тай посао, упыта богиню, чія ѳ то лађа, и на што ѳ определѣна: она му съ почетка незнађаше одговорити, али наипосле рече: да бы испратила Ментора, я самъ га дала начинити. Вами веће више сметати тай строги пріятель, кои противстаѳ вашей срећи, и кои бы вамъ завидіо да постанете безсмртанъ.

Менторъ мене оставля, хе! свршено ѳ самномъ, повика Телемакъ. Евхариса, ако мене Менторъ остави, я немамъ другога осимъ васъ! ове му речи утекоше у иступленю нѣгове страсти. Онъ опази неправду, кою ѳ учиніо, изговоривши ове речи: али небыяше слободанъ у мислима, и по смыслу ови речи цело друштво ужаснуто ћуташе. Евхарисъ заруменивши се и оборивши очи остаяше острагъ, и несмеђаше се показати. Но, докъ сра-

мота пребываваше у глубини нѣзина срца, Телемакъ неразумно више самъ себе и немогаше ни самъ веровати, да е тако неразумно говорио; оно, што онъ быяше учинио, чиняше се нѣму као неки санъ, али санъ, одъ кога быяше сметенъ и забунѣнъ.

Калипсо люѣа одъ лавице, коіой су штенци однешени, бѣжаше крозъ лугове неидуѣи никаквимъ путемъ, и незнаюѣи куда иѣаше. Найпосле наѣе се на концу свое пещере, где ю Менторъ очекиваше. Идите изъ мога острова, о вы страни, кои сте дошли да узнемирите мое спокойство: далеко нека иде одъ мене онай млади несмислени! А вы, неразумни старче, вы ѣете познати гнѣвъ едне богинѣ, ако га неузмете овај часъ одавде. Я неѣу више да га видимъ, неѣу да га више трпимъ, ни една нимфа некъ се съ нѣме неразговара, нити да га погледа. Я ти се заклинѣмъ водама Стикса, заклетвомъ, одъ кое и сами богови стрепе. Но знай Телѣмаче! твоѣ несреѣе іоштъ нису окончане. Неблагодарни ты неѣешъ поѣи съ мога острова другојачѣ, докъ небудешъ жертва нови несреѣа. Я ѣу се светити, ты ѣешъ жалити за Калипсомъ, али залуду. Нептунъ, іоштъ раздраженъ противъ твога родителя, кои га е у Сициліи увредіо, и напоменутъ Венеромъ, кою си ты презрео на острову Кипру, теби приуготовлява нове буре. Ты ѣешъ видети твога оца, кои нѣе умро, али ѣешъ га ты видети, и неѣешъ га моѣи познати. Ты се съ нѣме неѣешъ у Итаки видети, докъ непретрипшъ найвеѣа и найужаснѣя гоненя судьбе. Иди, я заклинѣмъ небесна божества, да учине надъ тобомъ освету: на средъ мора баченъ на стене, ударенъ громовима, да призивашъ у помоѣъ Калипсу; али залуду; ню ѣе твоѣ наказанѣ преиспунити радощу!

Изрекавши ове речи, нѣзина душа узмуѣена быяше веѣъ готова да узме противна решеня. Аморъ позва у нѣзино срце желю да задржи Телемака: нека живи онъ, говораше она сама у себи, нека онъ живи овде; може бити, да ѣе онъ познати найпосле, шта самъ я ради нѣга чинила. Евхарисъ неможе му, као я дати безсмртіе. О преслепа Калипсо! ты сама себе варашъ твоимъ заклинанѣмъ! ты си веѣъ обвезана: воде, Стикса, коима си се ты заклела, не даю ти више никакве надежде. Нико небыяше чуо ове речи. Али на нѣзиномъ лицу виѣау се написане Фуріе, и као да савъ кужни отровъ блюваше изъ свога срца.

Зато Телемака обузе ужасъ. Она то разумеде; ербо шта завистльива любовъ незна предсказати? ужасъ Телемакова удвои иступленя богинѣ. Подобна одной полудившой жени, коя испуњава воздухъ своіомъ викомъ, коя се разлеже по свимъ високимъ планинама Траціе, она трчи крозь лугове съ копльмъ у руди, позиваюћи све свое нимфе, и угрожаваюћи оне пробо-сти, ков небы хотеле за ньомъ поћи. Оне трче у гомили устрашене тимъ претняма и сама Евхарисъ иде за ньима съ пунимъ очима суза, гледаюћи изъ далека Телемака, съ коимъ несмеде више да се разговара. Богиня се сва стресе видећи в близу себе; и на место да бы се ублажила понизношфу ове нимфе, іошъ већу ярость осећаше видећи, да жалость умножава красоту Евхарисе.

Међутимъ Телемакъ самъ отиде съ Менторомъ; обухваташе Менторова колена, зашто га иначе несмећаше загрлити нити погледати, проливаше реку суза, хоће да говори, а гласъ му неможе; речи му недостаю, нити зна, шта бы валяло чинити, ни шта чини, нити шта хоће. Рођени оче мой, о Менторе, избавите ме одъ оволики зала, я нити могу васъ оставити нит' за вами поћи. Избавите ме одъ толики беда, избавите ме одъ мене самога, и задайте ми смръть! Менторъ га загрли, теши га, ободрава, учи га, како ће самога себе сносити неласкаюћи своіой страсти; и рече му: сине премудрога Улиса, кога су богови тако любили, и кога іоштъ любе, ето за узрокъ нѣгове любви вы подносите толика ужасна зла. Кой ніе никада познавао свою слабость и горчину свой страсти, іоштъ ніе мударъ; ербо себе іоштъ непознае, и не уме се одъ самога себе да чува. Богови су васъ рукомъ своіомъ доводили до края пропасти, да бы вамъ показали сву дубльину непущтаюћи васъ да унутра паднете. Сада познайте све, што никада небы могли знати, да нисте сами собомъ искусили! суетно бы вамъ ко говоріо о чарима Аморовимъ, кои ако ласка, мисли да погуби, и кой подъ видомъ сладости сакрива найужасніе горчине. Тай младенацъ дошао в пунъ чари међу смехе, игре и пріятности. Вы сте га видели; пленіо вамъ в срце, и вы сте съ удовольствиемъ дали му да вамъ га отме. Вы сте тражили изговоре, како да непознаете рану вашего срца: искалисте да мене преварите, а себи да ласкате: вы се нисте ничега бояли. Видилисте плодъ ваше нерасудности. Сада тражите смръть, и то вамъ в іоштъ єдина надежда, коя вамъ остав. Богиня смуће-

на подобна е пакленой Фури; Евхарисъ гори огнѣмъ іоштъ свирепіемъ, него што су ове болѣ смртне. Све Нимфе сапернице готове су себе разтргнути: видите ли шта чини лукави Аморъ! пригласите све ваше мужество: до каквога степена васъ любе богови, кадъ вамъ такви прекрасни путь отвораю, да избегнете одъ Амора, и да видите ваше предраго отечество! Калипсо е сама принуђена да васъ отера. Лађа е готова, шта закоснявамо те неоставлямо овај островъ, на коме добродетель неможе да обитава?

Изговоривши ове речи увати га Менторъ за руку, и повуче къ краю мора. Телемакъ еѣва иђаше за нѣмъ; све се едначо осврташе натрагъ, и сматраше Евхарису, која се одъ нѣга-удалаваше. Немогући ю видити съ лица, онъ гледаше нѣзину прекрасну косу, нѣзино пловуће одело и нѣзинъ благородни ходъ: онъ желяше полюбити трагъ нѣзини стопа. Кадъ ю већ и испредъ очію изгуби, подаваше іоштъ свое уво, мислећи да ће нѣзина гласа чути, и отсутствующу іоштъ гледаше; она быяше нѣму као жива предъ очима, и онъ мисляше, да се съ нѣоме разговара; незнаюћи већ гди се наођаше, и немогавши чути гласа Менторова: наипосле долазећи опетъ къ себи, као изъ дубока сна рече къ Ментору: я самъ се решио за вама ићи, али іоштъ нисамъ рекао Евхариси: съ богомъ оstay. Я бы волю умрети, него ню тако оставити съ неблагодарношћу. Почекайте, да ю іоштъ последњи путь видимъ, и да іой кажемъ, съ богомъ оstay на веки. Или баремъ дозволите ми да іой речемъ: богови немилосрдни, богови завидећи моіой срећи принуђаваю ме да идемъ; али ћеду ми пре окончати животъ, него што ћу я васъ икада заборавити. О оче мой! или ми допустите ту последню утеху, која е тако справедљива, или ми одузмите мой животъ сада овогъ часа. Не, нити ћу я живити на овоме острову, нити се предавати любви. Ние любовь у моме срцу: я осећамъ само пріятельство и признателность к, Евхариси. Довольно е, да іой кажемъ іоштъ еданъ путь съ богомъ; и поћи ћу съ вама безъ задржаваня.

Како самъ вамъ я милосрданъ! одговори Менторъ; ваша е страсть тако раздражена, да ю и неосећате. Мислите, да сте спокойни у души, а иштете смрти. Усуђуєте се рећи, да ни сте любовлю убеђени, а неможете се да растанете одъ Нимфе, у кою сте се залюбили! нити видите, нит' чуєте што друго, кромъ ню; за све остало ослепили сте и оглувили. Човекъ,

кога в грозница забунила, говори: я нисамъ нимало болестанъ. О заслепльни Телемаче! већъ хотесте одрећи се Пенелопе, која васъ толико ожидава; Улиса, кога ћете вы видити у Итаки, где вы морате царовати у слави и високомъ определеню, које су вамъ богови обећали учинивши толика чудеса за вашу ползу! Вы се одрицаете толики добара, да само живите безчестно поредъ Евхарисе. Можете ли јоштъ рећи, да васъ любовъ не веже къ ньюизи, шта в дакле то, што васъ смућава? зашто сте кодъ богини говорили съ толикимъ устргомъ? я васъ необвинюемъ за вероломство, но оплакивамъ вашу слепоту. Бежите Телемаче! любовъ се еднимъ само бегствомъ побеђава. Противъ еднога таковога непријателя право се мужество састои у страу и у беганю, но у беганю безъ промишляня, и недавајући себи нимало времена обзирати се за собомъ. Вы нисте забравили стараня, која самъ имао я о вами јоштъ одъ ваше младости; и опасности, изъ кои сте се избавили моимъ советима: или веруйте мени, или ме пустите, да васъ оставимъ. Да вы знате, колико самъ жалостанъ я, видећи васъ да хитите у вашу погибель! да знате, шта самъ я трпию, кадъ вамъ нисамъ смео говорити: майка, која васъ в родила на светъ, нив толико претрпила у боляма порођая. Ћутао самъ, гутао мучу, загушавао уздисаня, небы ли само видю, да се вы къ мени повратите. О сине мой, о предраги мой сине! вратите ми подпору мога срца, вратите ми Телемака, кога самъ изгубю, вратите себе себи самоме. Ако у вами мудрость преодоли любви, я ћу живити и срећно живити; но ако васъ любовъ одвуче противъ мудрости, Менторъ неможе више живити.

Менторъ овако говорећи продужаваше свой путь къ мору; и Телемакъ, кой небыяше довольно крепакъ да пође за нимъ самъ собомъ, дае се већъ водити безъ противленя. Минерва единако покривена образомъ Менторовимъ прикривајући невидимо своимъ штитомъ Телемака, и просипајући около него божествену зраку, даде му да осети неко мужество, које јоштъ небыяше осетю одкако в на овоме острову. На последакъ дођоше на едно место острова, на коме брегъ мора быяше стрменитъ. Ово быяше стена, о кою се безпрестано пенућа се вода разбыяше. Съ ове висине сматрау, стаяше ли лађа одъ Ментора построена јоштъ на ономе месту; али шта увидише? жалостно позориште.

Аморъ најяче увређенъ, видећи да овај незнани старацъ не само быяше неосетљивъ къ нѣговимъ делима, него му јоштъ и Телемака одведе, плакаше одъ лютине, и отиде да нађе блудећу Калипсо по мрачнимъ луговима. Она га немогаше видети безъ проливаня суза; и осећаше, да се ране нѣзинога срца позлеђавау. Аморъ рече къ нѣой: вы сте богиня, и даєте се победити еднимъ слабымъ смртнимъ, кои в робъ на вашемъ острову! зашто га пуштате да иде? О несрећни Аморе! одговори она, нећу я више да слушама твоє вређајуће савете; ты си мене лишю сладкога и дубокога спокойства, и баціо си ме у бездну несреће. Већъ е свршено; я самъ се заклела водама Стикса, да ћу отпустити Телемака, да пође. Самъ Юпитеръ, отаць богова, са свомъ своіомъ силомъ небы се смео противити овой ужасной заклетви. Телемакъ одлази съ мога острова. Иди одавде зловредно дете, ты си ми више зла учинило, него онъ.

Аморъ утирући своє сузе насмея се пакостно: ва истину башъ и то ти е велико недоумѣніе: пустите мене, да я чинимъ; а вы се држите ваше заклетве: непротивите се нимало одласку Телемакову. Нити су се ваше Нимфе, нити самъ се я заклео Стиксомъ, да отпустимо Телемака. Я ћу нѣп наговорити, да сажежу лађу, што в Менторъ построіо съ толикимъ устремленѣмъ. Нѣгово прилѣжанѣ, коме се сви дивише, быће бесполезно. И онъ ће се самъ зачудити; еръ већъ му неће остати никаква средства, да вамъ одузме Телемака.

Ове ласкателне речи отворише надежду и радость до у глубину срца Калипсинога. Оно, што зефиръ своіомъ хладношћу чини украй потока, да бы подкрепіо стадо изнемогше одъ летнѣга жара, кои га убія, то учини овај разговоръ, за умнренѣ очаяня богинѣ: лице нѣзино развесели се, очи нѣзине умилніе почеше гледати, црне бриге, коє гризоше нѣзино срце, одбегоше за еданъ часъ одъ нѣ: она стаде, насмея се, и поче ласкати шальивоме Амору, а ласкајући га приуготовляваше себя нове жалости.

Аморъ задоволянъ, што е ню убедити могао, отиде да убеди и Нимфе, коє расуте блудише по брдама, као стадо оваца, свирепешћу гладна куряка растерано далеко одъ пастира. Аморъ ій сакупи и рече: Телемакъ е јоштъ у вашимъ рукама, потрчите и сажежите ону лађу, што е безумни Менторъ начиніо, да утече. Сада упутъ запалише машале, дотрчаше на брегъ мора, стрепяу и ужасно викау, и косе свое расчупавау као бе-

сомучне. Већ се пламенъ подиже, обузе сву лађу одъ сува дрвета и обливену смоломъ, и димъ се подиже до облака.

Телемакъ и Менторъ одозго сматрау съ висине стена, и чуяу вику Нимфи. Телемакъ се о томъ поче радовати: ербо нѣгово срце јоштъ небыяше излечено. Менторъ упаци, да нѣгова страсть быяше подобна огню неугашену, кои се погдикои путъ указуе исподъ пепела, и избацуе живе искре. Ево ме сада опетъ у новимъ свезама, рече Телемакъ: неостае ми више никакве надежде, како ћемо изићи изъ овога острова.

Менторъ добро упаци, да ће Телемакъ пасти опетъ у нове слабости, и да већ неваляше губити ни еднога часа: угледавши изъ далека у мору едну лађу, која стаяше и несмеђаше приступити къ острову, ербо сваки корманошъ знађаше, да е островъ Калипсинъ неприступимъ смртнима, Менторъ изненада тури Телемака, седећегъ на край стене, стрмоглавъ у море, и самъ за њимъ скочи. Телемакъ уплашенъ силнимъ овимъ па домъ напи се слане воде, и постаде громъ волна; а кадъ къ себи дође, и виде Ментора, пружајући му руку и помагајући му пливати, већ поче мислити, како бы се удалю одъ тога злога острова.

Нимфе, које мисляу, да њй држау као заробљене, почеше подизати крике пуне ярости, видећи, да већ немогау препречити више њѣово бегство. Калипсо неутешна врати се у свою пештеру. Аморъ кадъ види, да се нѣговъ тріумфъ промени у стидну победу, подиже се у средъ воздуха, и тресући крилма одлети у лѣсъ Идаліе, где га нѣгова свирепа майка очекиваше. Младенацъ јоштъ свирепиј утешаваше се само, смејући се за зла, што быяше починію.

Што се више Телемакъ удаляваше одъ острова, онъ съ радошћу све то више осеђаше да се порађа нѣгово мужество, и нѣгова любавъ къ добродетельи. Я осеђамъ, повикне онъ, говорећи къ Ментору оно, што вы къ мени говорасте, и што найпре немога веровати одъ недостатка искуства: пороци се не преодолеваю, кромъ еднимъ бегствомъ. О оче мой, колико су богови мене заволили, кадъ су ми дали васъ у помоћ! я самъ заслуживао, да тога лишенъ и самъ себи предатъ будемъ. Я се више неплашимъ ни мора, ни буре, ни ветрова морски; само се плашимъ страсти! Амора се више валя бояти, него свию кораблѣкрушеня.

Конацъ књиге седме.

Т Е Л Е М А К Ъ.

КНИГА ОСМА.

Лађа, која се задржаваше, и којој се они приближавау, быяше финикиска. Ови су Финикіяни виђали Телемака на путу идући у Египетъ, али га немогау уознати да плочи по мору одъ волна морски. Када Менторъ тако близу дође до лађе, да му се гласъ чути могаше; онда кренкимъ позикне гласомъ уздижући главу високо надъ водомъ: Финикіяни, толико помажући свима народима, неодаказуйте животъ двоици людма, кои га очекую одъ вашаго човеколюбія. Ако високопочиуєте богове, примите насъ у вашу лађу, мы ћемо свуда ићи за вами, куда вы пођете. Управитель лађе одговори: мы ћемо васъ примити съ радошћу; познато е нама оно, што смо дужни чинити двоици незнанцима, кои намъ се показую толико злосрећни. И тай часъ примише ий у лађу.

Едва могау ући у лађу, еръ већъ діяти немогау; и быяу се укочили, ербо су за дуго пливали и усиљавали се, да бы противстали волнама. Мало по мало добише опетъ крепости; дадоше имъ друге аљине; зашто нѣове быяу отежале, напунивши се водомъ, која изъ нѣи са свію страна течаше. Када већъ говорити могау, сви ий Финикіяни обколише, и желише знати што о нѣовимъ странствованяма. Управитель лађе рече имъ: како сте могли ући у тай островъ, изъ кога сада изиђосте? кажу, да на нѣму живи нека свирепа богиня, која нетрши никада, да се къ нѣму приступа. Онъ е окруженъ стрменитъ мѣ стенама, противъ кои се море залуду разбія; и не може му нико приступити безъ кораблькрушенія.

Менторъ одговори: мы смо на нѣга бачени; мы смо Грци, а наше е отечество островъ Итака близу Епира, куда вы сада путуете. Кадъ небы башъ хотели у Итаку сврнути, која намъ

е на путу, задовольни ћемо бити ако насъ и до Епира доведете, гди ћемо наћи пріятеља, кои ћеду имати стараня пребацити насъ чрезъ кратки превозъ до Итаке; и мы ћемо вама свагда дужни бити благодарити за радостъ, кою ћемо имати видећи оно, што намъ е найдражів на овому свету.

Ово говораше Менторъ, а Телемакъ тихо ћуташе; ербо погрешке, коє быаше учиніо на острову богинѣ Калипсо, много умножавау нѣгову мудростъ: самомъ себи већъ невероваше; самъ осећаше, да е нужно слѣдовати мудримъ советима Менторовимъ; и кадъ небы могао съ нѣмѣ говорити, да га упыта за нѣгове савете, онда га упытываше очима, и стараше се да погађа нѣгове мисли.

Управитель Финикіянинъ, држећи свое очи на Телемаку, мисляше да се опоминѣ, као да га е видіо; али то опоминянѣ быаше замршено, коє онъ одмрсити немогаше. Дозволи те, рече му онай, да васъ запытамъ, опоминѣте ли се ви, да сте ме кадгодъ видели; као што се мени чини, да самъ я васъ негди видіо; вашъ обликъ ніє ми са свимъ непознатъ, упутъ ми паде у очи. Него незнамъ гди самъ васъ видіо; ваша ће паметъ помоћи може бити моіој.

Телемакъ му одговори съ удивленѣмъ помешанимъ съ радощю: я гледаюћи васъ, тако самъ исто мислю, као годъ што сте и вы мене сматраюћи. Я еамъ васъ видіо, и познаемъ васъ, али се немогу опоменути, гди самъ васъ видіо, или у Египту или у Тиру. Онда Финикіянинъ онако, као човекъ, кои се у ютру пробуди, и кои издалека позива мало по мало бегаюћи санъ, на еданъ ма повиче: вы сте Телемакъ, кога е Нарбалъ приміо у пріятельство, кадъ смо се мы вратили у Египетъ. Я самъ нѣговъ братъ, о комъ му е онъ вама безъ сумнѣ често говоріо. Я самъ васъ у нѣговимъ наручіяма оставіо носле нашега одласка у Египетъ: я самъ морао далеко ићи преко свію мора у славну Бетику близу стубова Херкулеви. Тако самъ я само видіо васъ, и нетреба се чудити, ако самъ имао толико труда, те васъ упутъ нисамъ познао.

Я сада добро видимъ, да сте вы Адоамъ: я такођеръ само што самъ васъ видіо; али самъ васъ збогъ беседа Нарбалови познао. Ахъ! какова е за мене радостъ известити се о мужу, кои ће ми свагда бити предрагъ! наодили се онъ непрестано у Тиру? нетрпи ли онъ какво мучно страданѣ одъ подвзрельива и варварскога Пигмаліона? Адоамъ пресекавши га

у речи одговори му: знайте Телемаче! да васъ блага среѣа поверава човеку, кои ће сваку бригу о вама имати: я љу пре васъ одвести у Итаку, него поћи у Епиръ: братъ ће Нарбаловъ показати вама онолико пріятельства, колико и самъ Нарбалъ.

Говорећи овако опази веѣъ, да и ветаръ, кога онъ очекиваше, поче дувати: заповеди подигнути лентере, платна разапети, и просецати море силомъ весала. Тада узе онъ Телемака на страну да се съ њиме разговара.

Я љу, говораше Адоамъ гледајући у Телемака, задоволити ваше любопитство: Пигмаліона нема выше: праведни богови избавили су землю одъ њѣга: као што се онъ неповераваше никомъ, тако се нико неповераваше у њѣга: добри люди уздисау, и избегавау њѣгове свирепости, немогавши решити се да му причине икаково зло: зли люди мисле, да свой животъ немогау другче обезбедити, осимъ ако њѣговъ нескончаю. Ни еднога Тирянина ніе было, кои сваки данъ ніе быо у опасности, да буде предметомъ њѣгови злоумишленя. Сами њѣгови телохранители више су бивали у опасности, него други люди. Будући да е њѣговъ животъ быо у њѣовимъ рукама, то се онъ одъ њѣи више бояше, него одъ свію остали люди, и при найманьой сумњи онъ њѣи пожертвоваше за свою безопасность. Тако, што више онъ искаше свою безопасность, то ю манѣ наоѣаше. Они, кои бы охранявали њѣговъ животъ, быяу у безпрестаной беди чрезъ њѣгове недоверливости. Они себе немогау избавити изъ тога ужаснога станя, осимъ предваривши смрѣу Тирана, и њѣгове свирепе сумнѣ.

Безбожна Астарбеа, о којой сте често слушали да се говори, прва се реши къ погибели цара. Она любяше страстно некога младога, врло богатога Тирянина, именовъ Жоазара, и рада быяше узвисити га на престолъ. Да бы у томъ намереню уцела, наговори она цара, да е најстаріи одъ њѣгови синова, именовъ Фадаелъ, нестерпелливъ будући да наслѣди свога родителя противъ њѣга тайни бунтъ умисліо: къ томе она наѣе два лажлива сведока, съ којима то потврди. Несреѣни царъ даде убити невинога сына, а другога именовъ Балеазара пошлѣ на островъ Самосъ подъ изговоромъ, као да се тамо научи у наравима и правама Грчкимъ: зашто у самоме делу Астарбеа наговори цара, да е нужно онога удалити, да и онъ небы ушао у свезе они незадовольника. Текъ што поѣе, а они, што лаѣомъ управляу, подкуплѣни будући одъ те свирепе женетине, дого-

ворише се како ће учинити ноћу едно кораблѣкрушеніе: себе спасоше пливаюћи до неки страни чуница, коє нѣи очекивау, а младога принца бацаше у море. Међу тимъ Пигмаліонъ незнаѣаше, да є Астарбеа залюблѣна, и мишляше, да она небы никога любила осимъ нѣга. Тай ве доверљиви царъ быяше тако пунъ слепога повереня къ той злой женетини: да га любовъ та за-слепляваше до иступленя, а у исто време сребролюбіе учини га да тражи изговоре, како бы убіо Жоазара, у кога се Астарбеа быяше толико залюбила: онъ єдино мисляше, како ће зграбити сокровишта тога младога човека. Но докле Пигмаліона разтразу подозреваня, страсти любви и сребролюбіе, дотле Астарбеа похита одузети му животъ: она мисляше, да є онъ веѣтъ нешто дознао о нѣзиномъ безчестномъ любованю съ овимъ младикемъ, а осимъ тога знаѣаше она, да веѣтъ и само сребролюбіе могаше цара навести къ крвожедномє намереню противу Жоазара. Она заключи, да не треба ни магновеня ока више губити, да бы предварила цара. Она виѣаше, да сва прва господа готова быяу окрвавити своє руке у крови царевой: она добиваше сваки данъ вести о каквимъ новимъ договорима противъ цара; али се не смеѣаше никомє поверити, зашто се бояше преваре. На последакъ найудобнѣе юй се учини, да отрує Пигмаліона.

Онъ єѣаше найвише самъ съ нѣомє, и куваше самъ собомъ своя єла неповеравуюћи се никомъ другомъ осимъ рукама. Онъ се затвораше у найсакривенія места свога двора, да бы болѣ сакрїо свою недоверность, и да га нико не бы видїо, када онъ готови себи обєдъ. Онъ не смеѣаше никаква удовольства трапезе тражити: не смеѣаше се решити, да єде икакве ствари, што онъ самъ небы умео зготовити. Тако не само сва мяса, кувана и зачинѣна одъ кувара, него ни вино ни хлєбъ, ни со ни зєитиѣъ, и све другє обичнє хранє нису моглє быти одъ нѣгова употребленя. Онъ єѣаше само воѣе, коє бы самъ своїомъ рукомъ узабрао у своємє вртограду; и варива, коя є самъ собомъ сеяо и кувао. У осталомъ другє водє не пїяше, осимъ оне, кою є самъ заватїо изъ извора заклочаного у єдномє месту нѣгова двора, одъ кога свагда ключъ при себи држаше. Прємда се чиняше тако пунъ повереня къ Астарбєи, али и противъ нѣ употребляваше предосторожности. Свагда ю тераше да напредъ окуси одъ ствари, коє бы нѣму за обєдъ служилє, да се небы онъ отровао безъ нѣ, и да небы она имала надежде

више живити, него онъ. Али она узе противъ отрова, кога іой нѣка стара баба, коя іоштъ гора быяше одъ нѣ, и коя быяше нѣзина повереница у любовнимъ стварма, донела. После чега она се већъ небояше, како ће отровати цара.

Ево како она то изврши: у ономъ магновенію ока, кадъ башъ хотяу започети обедъ: она баба, о којой смо говорили, луцну изненада на врати; царъ, кои свагда мисляше, да ко не дооди да га убіе, узбуни се, и потрчи къ вратима да види есу ли добро затворена. Баба побегне натрагъ, а царъ стане нерешимъ, незнаюћи шта ће мислити о ономъ што е чуо, а несме да се извести. Астарбеа га слободи, ласка и зове да руча; а већъ быяше бацила отровъ у нѣгову златну чашу, докъ е быо отишао къ вратима. Пигмаліонъ по своме обичаю даде нѣой првой да піе; она се напи безъ страа уздаюћи се у противотровъ. Пигмаліонъ се напие, и после мало времена падне у не-свєсть. Астарбеа, знаюћи да е онъ кадаръ дати ню убити за найманю сумію, почне дерати на себи альине, чупати свое косе, и страшно јукати; она грляше умирућега цара, држаше га у нѣзинимъ наручіяма, и орошаваше га потокомъ суза, ербо сузе ову лукаву женетину нису ништа стаяле. На последакъ, кадъ већъ види да царъ са свимъ изнеможе и предаде духъ, онда она найнежніе знаке милованя и пріятельства промену за часъ у найужаснію свирепость: боєћи се, да небы онъ опетъ оживіо, и дао ю убити, устреми се на нѣга, и удави га. Скине му съ руке царски прстенъ, одузе му дјядему, и пусти унутра Жоазара, коме преда и едно и друго. Она мисляше, да ћеду сви они, кои су нѣойзи предани были, последовати нѣзиной страсти, и да ће нѣзина милосника за цара прогласити. Но они, кои су се найвише усиљавали, нѣойзи да угоде, были су духови подли и користолюбиви, кой никада нису способни за чистоср-дечну любовъ. Иначе лишавали су се мужества, и бояли су се неприятеля, кое Астарбеа на себе навукла быяше: на последакъ бояли су се гордости, лукавства и свирепости ове безбожне женетине, и сваки за свою собствену безопасность желяше, да бы е нестало.

У томъ се савъ дворъ испуни страшномъ викомъ, и на све стране люди повикаше: умро е царъ! неки се ужаснуше, а неки тражау оружіе, свима се чудна, али радостна вєсть чиняше. Одъ уста до уста пуче гласъ по целомъ великомъ граду

Тиру; и ни еднога небыяше човека, кои бы цара сожало; смръть нѣгова постаде избавленѣ и утѣха целоме народу.

Нарбалъ, зачуѣнъ однимъ таковымъ страшнымъ ударомъ, као поштенъ человекъ, оплакиваше несреѣу Пигмаліона, кои е самъ себе преварио предаваючи се безбожной Астарбеи; и кои воляше быти скареданъ тиранъ, него по дужности царской називати се оцемъ народа. Онъ се стараше о обштемъ добру, поспешно присаѣдини све поштене люде къ успротивленю Астарбее, подъ коіомъ бы царованѣ юштъ горе было, него оно, што се скопчаваше.

Нарбалъ е знао, да се Балеазаръ ніе утопио, кадъ су га бацили у море. Они, кои уверише Астарбею, да е онъ процао, говорау тако, зашто су то за истину држали. Али се онъ ноу пливаючи избавио; и Кретски трговци имавши састрадања примили га быяу у свою лаѣу. Онъ се несмеѣаше повратити у царство свога родителя, мислећи, да су га хотели погубити, и боећи се колико свирепа саревнованя Пигмаліонова, толико хитрости лукаве Астарбее. Задуго обитаваше онъ преоденутъ и блудећи по краєвима мора у Сири, гди су га кретски трговци оставили были, морао е чувати овце за свое препитанѣ, на последакъ наѣе начинъ да извести Нарбала о станю, у коме се наоѣаше; небоећи се поверити свою тайну и свой животъ човеку тако известне добродетельи. Нарбалъ урвеѣнъ будући родительима незаборавлѣно любляше сына и стараше се за нѣгово добро; али нестараше се о нѣму ни зашто друго, но да небы погрешіо у дужности противъ нѣгова родителя, зато га учини да трпелливо сноси нѣгову несреѣу.

Балеазаръ быяше явио Нарбалу: ако вы мислите, да я могу доћи къ вами, пошальте ми єданъ златанъ прстенъ; я ѣу у путъ знати, да е време, да къ вама доѣемъ. Нарбалъ ненаоѣаше за добро одвоити за живота Пигмаліонова Балеазара: могао бы на коцку поставити и животъ Принца и свой собствени: толико трудно быяше сахранявати се одъ найстрожієга испита Пигмаліонова. Али како овай несреѣни царъ учини конаць достоянъ своимъ преступленяма, Нарбалъ похита послати златни прстенъ Балеазару. Балеазаръ таки се опреми на путъ, и доѣе предъ врата Тира башъ у време, када цели градъ быяше у недоумѣнню, незнаючи тко ѣе быти наслѣдникъ Пигмаліону. Ласно га познадоше поглавити Тиряни, и савъ народъ любляше га не за любовъ покойнога цара нѣгова родителя, на кога

су у обште мрзили, него за нѣгову доброту и умереность. Нѣгове дуге несреће придодавале бы му незнамъ неку сѣйность, коя узвишаваше сва нѣгова добра свойства, и коя му разнѣжаваше све Тиряне.

Нарбалъ сабра поглаваре народа, старце, изъ кои се са-стояше саветъ, и свештенике велике Богинѣ одъ Финикіе. Поздравише Балеазара своимъ царемъ и обзнанише народу чрезъ прогласителѣ. Народъ имъ одговори чрезъ хиляду радостни гласовн. Астарбеа е то слушала изъ дубока двора, у кои се бы-яше затворила съ худимъ и срамотнимъ Жоазаромъ. Сви они зли люди, коє она употребляваше за живота Пигмаліонова, оставили ю быяу, ербо неваляли люди боє се одъ зли и нева-ляли, неверую нѣима и не желе да бы они икада у поверенѣ дошли. Люди покварени познаю, колико бы они, кои су нѣима подобни, злоупотреблявали власть, и какво бы было нѣново насилѣ. А што се тиче добри люди, съ овима се они, што су зли, погаѣаю ласніе, зашто се баремъ надаю у нѣима наѣи уме-реня и опроштєня. При Астарбеи остадоше само неки участни-ци нѣзини найужасніи преступленя, кои се ничему другомъ, кромѣ наказаню, неимаю надати.

Обише дворъ, и злодеи несмеѣау више противстати, но по-чеше бежати. Астарбеа преобучена у робиню хотяше снасти себе у ономъ множеству, но ю еданъ войникъ упозна; уватише ю, и едва узржаше народъ, да ю неразтргне. Веѣъ ю почеше трзати, и по блату вуѣи. Нарбалъ ю изтрже изъ руку простога народа. Онда она зактеваше да говори съ Балеазаромъ, нада-юѣи се, да га заслени чарима и надеждомъ, као да ће му от-крити неке важне тайне. Балеазаръ немогаше се уздржати, да ю непослуша; съ почетка она показиваше са своіомъ красотомъ неку благость и благообразіе, коя укроѣаваю срца найразяре-нія. Она ласкаше Балеазару са похвалама найнежнимъ и най-ласкателнимъ; она нѣму представляше, колико е ню любіо Пиг-маліонъ; заклиняше га нѣговимъ прахомъ, да бы се на ню сми-ловао; призиваше богове, као да іѣ е тако искрено почитовала, и проливаше потоке суза; она паде на колена предъ младога ца-ра, и све употребляваше, како бы привела у подозренѣ и у мр-гость све нѣгове найверніе служителѣ. Далѣ обтужаваше Нар-бала, да е онъ у едномъ зломъ умислу быо противу Пигмалі-она, и трудіо се да подчини себи народе, и да се учини царемъ на штету Балеазара, па іоштѣ придодаваше, да е онъ хотєо

отровати тога младога принца. Она измишляваше подобне клевете противу свію Тиряна, кои любляу добродетель. Она мисляше наѣи у срцу Балезаровомъ оно исто неповеренѣ, и она иста подозрѣня, коя ѣ наодила у срцу цара нѣговога оца. Но Балезаръ немогавши далѣ трпѣти црну злобу ове женетине, недаде іой више говорити, викну хранителѣ, кои ю поставише у заточенѣ; после се наймудрѣимъ старцима препоручи испытѣ нѣзини дела.

Съ ужасомъ дознадоше, да ѣ она отровала и убила Пигмаліона. Цело слѣдство нѣзинога живота быяше склопѣ сами скаредни преступленя: осудише ю на каштигу, коя ѣ определѣна за велика преступленя у Финикіи, а то ѣ живе саживати на ватри; а кадѣ она чу, да веѣѣ неимаѣаше никакве надежде, учини се подобна Фуріи произишавшой изъ пакла: прогута отровѣ, кои свагда са собомъ ношаше, да бы себи задала смртѣ у случаю, ако бы ю поставили на какова велика мученя. Стражари, кои су ю чували, дочуше, да она подношаше ужасну муку, и хотеше іой помоѣи, но она имъ нехтеде ни одговора дати; даде знакѣ, да іой никакве помоѣи нетреба, и место што бы ѣе смуѣавала и каяла за нѣзине гревове, то она сматраше небо съ презренѣмъ и високоуміемъ, као да бы се боговима ругала.

Бесноѣа и безаконіе быяу изображена на нѣзиномъ умираюѣемъ лицу; веѣѣ се више непоказиваше никаква остатка оне красоте, коя ѣ причинила несреѣу толикимъ людма. Све нѣзине лепоте быяу изчезнуле, нѣзине угашене очи блудише по нѣзиной глави, и дивлѣ погледаше; движенѣ непоредачно потресаше нѣзине устне, и држаше нѣзина уста отворена у страшной величини, а цело нѣзино лице трзато тамо амо, чиняше гадне виде. Бledoѣа плаветна, и хладность смртна быяше обузела цело нѣзино тело. Погдикой путѣ іоштѣ оживляваше, но то зато, да изда жалостни уздисай. Найпоследе испусти духѣ испуняваюѣи страомъ и ужасомъ све, кои ю гледау Нѣзина душа безъ сумнѣ отиде у она невесела места, у коима немилостиве Данаиде црпе воду у проврѣнене судове, гди Иксионѣ за свагда обрѣе свое коло, гди Танталѣ умируѣи одѣ жеѣи, неможе да прогута воду, коя му безпрестано бежи одѣ усана, гди Сисифѣ валя бесполезно вданѣ каменѣ, кой безпрестано натрагѣ пада, и гди ѣе Титія осеѣати вечно у своіой утробѣ пороѣаюѣегѣ се ястреба, кои ѣ разтрже.

Балеазаръ ослобоженъ одъ овога страшилишта, учини благодаренъ боговима чрезъ безчислена жертвованя. Онъ е свое владѣніе започео поведенѣмъ са свимъ противнимъ поведеню Пигмаліона. Одма е почео трудити се да приводи трговину у цветанѣ, која съ дана на данъ пропадаше; Нарбалове савете примао е у главнимъ делма; али опетъ онъ ніе нѣпме владао, зашто е онъ све самъ собомъ радъ бѣо видити; онъ бы слушао различна мнѣнія, која му се преподавау, и по томъ решавао бы по ономе, кое му се найболѣ чиняше. Народи га любе притяжаваюћи срца, а онъ притяжава сатимъ више сокровишта, него што е могао нѣговъ отацъ згрнути са свомъ нѣговомъ немилостивомъ скупощѣу; ербо нема ни єдне породице, која небы дала све што има добра, када бы се онъ нашао у тешкой нужди. Тако све, што онъ нѣима оставля, више е нѣгово, него када бы имъ одузимао. Нема потребе предохранявати себе и свой животъ, зашто имаде свагда около себе безопасно телохранительство, кое е любовь народа. Нема ни єднога поданика, кои се небы бояо да изгуби тако добра цара, и кой небы свой животъ пожертвовао за нѣговъ. Онъ живи срећно, и савъ е нѣговъ народъ срећанъ съ нѣиме. Онъ се бои да обтерети свое народе, а народи се боє ако му доста велику часть свога иманя недаду: онъ нѣи оставля у изобилю, а ово изобилѣ нити ій чини тврдоглаве нити непокорне; ерѣ су они радени, предани трговини, и постоянни у одржаню чистоте стари закона. Финикія се узвисила на найвиши степенъ свое величине и свое славе, а за то све своме младоме цару дужна е благодарити.

Нарбалъ управля подъ нѣимъ: о Телемаче! да васъ сада онъ види, съ каквомъ бы васъ радошѣу примію, и обасуо даровима; какво бы то веселѣ за нѣга было, да васъ величественно оправи у ваше отечество. Нисамъ ли я срећанъ, да учинимъ то исто, што бы онъ самъ могао учинити, да поѣдемъ у островъ Итаку, и да поставимъ на престолъ сина Улисева, да и онъ царує тако мудро, као што Балеазаръ царує у Тиру.

Кадъ Адоамъ овако изговори, Телемакъ причомъ очаранъ, кою му овай Финикіянинъ расказа, а іюштъ више знацима пріятельства, кое примаше одъ нѣга у своіой несрећи, нежно га загрли. Потомъ Адоамъ пыташе га, каквимъ е случаемъ онъ дошао на островъ Калипсинъ. Телемакъ одъ свое стране каже му повесть свога одласка изъ Тира, свога преода у островъ

Кипаръ, и начинъ, коимъ в опетъ нашао Ментора, нѣгово путованѣ у Крету; исприча му о народнымъ играма за избранѣ цара после бегства Идоменева, о своме кораблѣкрушеню, о удовольству, съ коимъ ѿ Калипсо примила, о саревнованю, ове богинѣ противу едне одѣ свои нимфа, и о дѣйству Ментора, кои в свога пріятеля баціо у море, како в усмотріо лађу финикиску.

После тога разговора Адоамъ даде величествени обедъ, и да бы засведочио веђу радость, прикупи онъ к' томе сва удовольства, коя се могау уживати за време обеда, кога служау млади Финикіяни обучени у бело, и накићени цвећемъ; тада се ужегоше найблаговонія мириси са истока; све клупе возарске быяу пуне свирача у флауте, Ахитой бы ѿ кадъ што прекинуо сладкимъ ударима свога гласа и своѣ лире, коя в достойна чувеня при столу сами богова, и коя бы очарала уши самогъ Аполона. Тритони, Нериди, и сва божества, коя се покоравау Нептуну, па и сама чудовишта морска, исхођау изъ нѣови дубоки водени пештера и доођау множествомъ около лађе усхићени тимъ сладкимъ песмама. Кола млади Финикіяна, одѣ ретке красоте, оденути у бело платно, белѣ одѣ снега, играше за дуго игре своѣ землѣ, после игре Египетске, а най-после игре грчке; одѣ времена до времена трубе раздавау своѣ гласъ по водама чакъ до удалѣни брегова. Тишина ноћна, тишина мора, светлостъ трептаюћа месеца прострта по поврхности вода, и мрачна плаветностъ неба, посеяногъ блистаюћимъ се звездама, све то к' већемъ украшеню овога позоришта служаше.

Телемакъ, одѣ природе живъ и осетливъ, уживаше сва ова веселя; но несмеђаше нѣима са свимъ своѣ срце предати. Одѣ како в съ толикимъ стыдомъ искусіо на острову Калипсиномъ, како се брзо младсетъ запалюѣ, сва удовольства, па и сама найневинія, задавала бы му страа, и све му быяше сумнително. Онъ погледаше на Ментора, и искаше на лицу нѣговомъ и у нѣговимъ очима, како онъ мисляше о свима увеселеняма.

Ментору мило быяше видити га у той сметњи, и чиняше му се и не вештѣ. На конацъ тронутѣ умереношђу Телемака рече му смеюћи се: я познаемъ то, чега се вы боите, вы сте за тай стра похвале достоянѣ; но неваля га далеко терати. Нико неће радии бити него я, да се вы удовольствама наслађавате; али удовольствама таковима, коя нитѣ вамъ причиня-

ваю страсти, нити васъ разслабляваю. Вама су потребна удовольства онакова, коя вамъ даю да отпочинете, и коя ћете вы уживати притяжаваюћи самога себе; а не такова удовольства, коя васъ одвлаче. Я за васъ желимъ удовольства любка и умерена, коя вамъ неodusимаю разумъ, нити васъ чине подобна бесвоме зверу. Сада е време, да отпочинете сдъ свию ваши трудова. Уживайте, за любовъ Адоама, сва удовольства, коя вамъ онъ подноси; радуйте се Телемаче и веселите се. Мудрость нема ничега мрачнога нити усиљнога, она дае права удовольства. Сама мудрость знаде удовольства зачинявати, за учинити ий да буду чиста и постоянна. Она зна умешати игре и смеяня съ упражненяма важнимъ и замишљњимъ: она приуготовлява удовольства чрезъ трудолюбіе, и отпочинява чрезъ удовольствие. Мудрость се несрамоти показати се веселомъ, када е нужно.

Говорећи ове речи узе Менторъ лиру, и стаде у ню ударати съ таковома вештиномъ, да Ахитой ревњивъ упусти свою изъ руку на землю одъ лютине: очиму се ужегоше, лице нѣгово смућено промени цветъ, и цело бы друштво опазило нѣговъ стидъ и муку, да лира Менторова небяше усхитила душе свию присуствуюћи. Ёдва смеђа дјяти, боећи се, да не смету тишину, и да небы што изгубили одъ тога божественога гласа. Сви се бояу, да небы скоро престао. Гласъ Менторовъ небяше нимало одъ сладости женоподобне, него быяше витакъ, крепакъ, и до найманъи ствари привођаше у страсть. Съ почетка онъ попеваше похвалу Юпитера, оца и цара богова и люди, кои єдинимъ маомъ свое главе затресава вселену; потомъ представляше Минерву, коя исходи изъ нѣгове главе, то єсть мудрость, кою овай богъ уображава у самоме себи, коя изъ нѣга производи, да поучава люде науколюбиве. Менторъ попеваше те истине гласомъ тако уверителнимъ и толико богобоязљивимъ да цело сабраніе мисляше, да е на врху Олимпа предъ лицемъ самога Юпитера, кога су погледи проницателни, него што су нѣгови громови. После попеваше онъ несрећу младога Нарциса, кои лудо улюбљивъ у свою собствену красоту, у кою сматраюћи безпрестано украй єднога извора губляше самъ себе одъ жалости, и после се претвори у цветъ свога имена. Найпоследне попеваше жалостну смртъ лепога Адониса, кога е дивљи вепаръ разтргао, и за кога Венера, залюбљна немогући га оживотворити, пошыляше къ небесама горке тужбе.

Сви они, кои га слушау, немогау уздржати свои суза, и сваки осећаше, незнамъ, неку радостъ плакаюћи. Кадъ престаде ударати у лиру, Финикијани удивлѣни сматрау другъ на друга. Еданъ говораше, то е Орфей, онъ е тако исто дивлѣ зверове лиромъ укроћавао, и мамио за собомъ дрва и каменѣ; тако е онъ успавао Цербера, уздржао Иксиона и Данаиде, и тронуо немолимога Плутона, да бы избавио изъ пакла лепу Евридику; други опетъ велјаше, то е Линусъ сынъ Аполоновъ; други одговараше, вы се варате, то е самъ собомъ Аполонъ. Телемакъ и самъ небыяше манѣ зичуѣенъ него други, зашто онъ незнаѣаше, да Менторъ тако вештѣ быяше да удара и пева на тири съ таковимъ савршенствомъ. Ахитой, кои е имао времена да прикріе свою ревнивостъ, започе похвалывати Ментора; али се стиѣаше нѣга похваляюћи, и немогаше докончати. Менторъ видећи нѣгову сметню, поче му говорити, као да га хотјаше прекинути у речи, и стараше се нѣга утешити, даваюћи му сваку похвалу, кою онъ заслуживаше. Ахитой небыяше нимало утешенъ ербо онъ осећаше, да нѣга Менторъ превосходи іоштѣ више благообразіемъ, него чарима свога гласа.

Међу тимъ говораше Телемакъ къ Адоаму: опоминѣмъ се да сте ми вы казивали о некомъ путованію, кое сте чинили у Бетику, када смо мы отишли изъ Египта. Бетика е земля, о којой толика чудеса казую, да е мучно веровати. Изволите ми казати, ели све, што се о нѣой говори, истина. Я бы врло радъ быо, рече Адоамъ, да вамъ опишемъ ту славну землю, достойну вашего любопытства, и коя превосходи све, што се о нѣой похваляе, и тай часъ онъ овако започе:

Река Бетисъ тече крозъ землю плодоносну и подъ небомъ свагда ведримъ. Земля е добила име одъ реке, коя пада у велики океанъ, недалеко одъ стубова Херкулеви, и одъ онога места, на коме е свирепо море раскидаюћи све забране разделило землю Тарсидску одъ велике Африке. Ова земля чини се, као да е задржала благопріятности іоштѣ одъ златнога века. Замету бываю топле, люти Аквилони никадѣ ту недуваю. Жаръ летњи свагда е ту умеренъ збогъ зефира прохлађуюћи, кои разблажаваю воздухъ около по дана. Тако е цела година смеса пролећа и есени, кое се едно съ другимъ рукую. Земля по долинама и по поляма равнима доноси сваке године двоструку жетву. Путови су ту по краєвима насаѣени лаврама, гранатима и другимъ дрвима свагда зеленимъ и свагда цветущимъ. Пла-

нинѣ су покривене стадама, коя доносе финну вуну, кою узимлю сви народи. Има много рудокопѣя, злата и сребра у той красной земльи. Но жители прости, и среѣни у своіой простоти, неустояваю злато и сребро да га причисле међу своя сокровишта: они нецене друго што, кромъ оно, што управъ служи къ потребама човека.

Кадъ смо мы почели трговину водити съ тимъ народима, нашлисмо злато и сребро у истомъ употребленю, као и желъзо, на примеръ за раоникъ, цртало и пр. Као што нису они водили никакве трговине изванъ земль, тако нису имали никакве потребе у новцима: готово су сви были пастири и землѣделци. У той земльи мало имаде художника, ербо они нетрпе друга художества, осимъ такова, коя служе къ правимъ потребама човечимъ; іоштъ веѣа часть люди у той земльи будући предана землѣделію или скотоводству, непренебрегава упражнявати се у художествама нужнимъ иновомъ простомъ и умереномъ животу.

Ту жене преду вуну, и изъ нѣ ткаю финне матеріе одъ дивне белине; оне пеку хлебъ, готове ело; и тай в посао нѣима лаганъ, зашто у той земльи ране се люди само плодовима и млекоу, а редко месомъ. Оне употребляваю коже оваца себи за лаку обуѣу, као и своимъ мужевима и своіой деци: праве шаторе, одъ кои неки су одъ увоштени кожа, а други одъ коре дрвене. Оне шію и перу све одело фамиліе, садржаваю домове у поредку и у удивителной чистоти. Нѣова се одела лако праве, ербо подъ тимъ любкимъ небеснимъ поясомъ носи се само едно парче матеріе несрезане, кою сваки облачи по савитцима нѣзинима около тела заради благообразія, придодаваюћи іой форму, како ко хоѣе.

Люди немаю други художества у коима бы се упражнявали, кромъ обделавања земль, скотоводства, и поставляња у посао дрво и желъзо, а желъзомъ се и неслуже осимъ у оруѣама нужнима къ рукоделію. Сва художества, коя спадаю у архитектуру, нѣима су бесполезна, то е, говоре они, врло се къ земльи прилеплявати; на што строити домове, кои много далъ траю, него мы; доста е, да смо покривени одъ зла времена. На сва друга художества, коя уважаваю Грци, Египтяни и сви други образовачи народи, они мрзе, као на изобретеня суѣте и мекости.

Кадъ имъ казую о народима, кои умею искусно да зидаю висока зданія, да праве покуѣства одъ злата и сребра, матеріе

украшене златотканяма и драгимъ каменѣмъ, благоизбранные мирисе, деликатна ела, музике, кои насъ сладкогласіе очаравая, они одговараю овимъ речима: ти су народи врло несрећни, што употребляваю толико посла и труда да покваре саме себе! та излишность умекшава, опія, мучи оне, кои ню притяжавая; приводи оне у искушенѣ, кои се нѣ лишаваю, хотећи ю придобити неправдомъ и насилѣмъ. Може ли се оно назвати изобилѣмъ, што квари люде? Люди ти земаля есу ли здравы и крепчи него мы? живе ли више времена? есу ли међу собомъ сагласни? воде ли они животъ слободни, спокойни и весели? напротивъ они мораю еданъ другога ненавидити, нѣи гризе худа и црна зависть, нѣи свагда мучи саревнованѣ, страа, скупость; они нису способни за удовольства чиста и проста, кадъ су они робови одъ толики лажни потреба, одъ кои чине да зависе све нѣове несреће.

Ето тако, говораше Адоамъ, говоре ти мудри люди, кои су мудрость изучили изъ протесте природе: они се ужасаваю одъ наше учтивости, и я морамъ признати, да е нѣова учтивость велика у нѣовой любкой простоты. Они сви у друштву живе, неделећи землѣ; свакомъ фамиліомъ управля нѣзинъ старешина, кои е надъ нѣомъ прави царъ. Отаць фамиліе има право казнити свою децу или унучадъ, ако кой учини какво преступленѣ, но пре него што га казни, упита за мнѣніе и остале фамиліе; те казни редко се догађаю; зашто невиность нарави, верность, послушность, одвратность одъ зала обитаваю у той срећной земљи башъ као да е Астреа отишавша на небо, юштѣ овди доле сакривена међу овимъ людма. Судіе нису одъ потребе међу нѣима; зашто нѣима собствена нѣова савесть суди. Сва су добра кодъ нѣи обшта; плодови дрва, биля земна, млеко стада, то су богатства тако изобилна, да народи тако трезвени и тако умерени неимаю нужде, да іѣ између себе деле. Свака шетаюћа се фамилія по той лепой земљи премешта свое шатере съ едногъ места на друго, кадъ поеде плодове и опасе ливаде, на ков е была пала. Тако немаю користи помагати еднимъ противу други, сви се братскомъ любавлю любе, кою ништа неможе раскинути. Истребленѣ суетни богатства, и лажливи увеселеня сахранява међу нѣима тай миръ, то сѣдиненѣ и ту слободу. Они су сви слободни и сви равни.

Међу нѣима невидимо никакве разлике, кромъ оне, коя произходи изъ искусства мудри стараца, или изъ остали мудро-

сти неки млади люди, кои равни долазе старцима остарелимъ у добродетельи; превара, насилъ, вероломство, процеси, войне недаю никада чути свога зверьсвирепога и отровнаго гласа у овой земльи толико люблѣной одъ богова. Крвь човечія іоштъ нѣ ту проливена. Ёдва се може видити проливена крвь яганяца. Када се казуе овимъ народма о кровопролитнимъ биткама, о силнимъ завладѣніяма, о разореняма земаля, коє се догађа кодъ други народа, они се немогу доста да начуде: шта! заръ люди нису довольно смртни, него іоштъ да еданъ другоме задаю стремителну смръть? Животъ е и тако кратакъ, а нѣма се чини дугъ! заръ на земльи зато живе, да еданъ другога разтржу, и да едни друге чине несрећнима? У осталомъ ти народи одъ Бетике, немогу да разумеду, зашто се мы толико дивимо освоячима, кои подярмлюю велика царства. Какова е то лудость полагати свою срећу у владаню надъ людима, кои управленіе толико задае труда ономе, кой бы радъ быо да управлянѣма по разуму и по правди! но зашто узимати удовольство у томе, да се заповеда съ людма противъ нѣове волѣ? Све, што човекъ мударъ може чинити, кадъ бы хотео примити тереть, баремъ да управля людма послушнима, коє бы му богови предали; или народомъ, кой га моли, да му буде отаць или покровитель. А господарити надъ народима противъ нѣове волѣ, то се зове себе понижавати и само збогъ едне суєте држати ій у робству. Освоячъ е човекъ такавъ, кога су богови ердити на родъ човечески, послали на землю у нѣовой ярости, да ограби царство, да простре свуда страа и трепеть, беду и очаянѣ, и да учини толико робова, колико имаде слободни люди. Човекъ, кой тражи славу, ненаоди ли е довольно, ако честно и поштено съ онимъ управля, што су му богови у руку дали? Мисли ли онъ, да неможе заслужити иначе похвалу, него само бываюћи насиланъ, неправеданъ, гордельивъ, граблѣиваць и тиранъ надъ своимъ суседима? О войны нетреба никадъ ни помислити, развѣ кадъ е нужда бранити свою слободу. Блаженъ е онай, кои небудући робъ другога, нежели изъ лудога славолубія да учини другога своимъ робомъ. Ти велики освоячи, коє намъ описую съ толикомъ славомъ, уподобляваю се рекама великимъ, у коима су воде величествене, али топе и опустошаваю плодоносна поля, коя бы требале само да заливаю.

Кадъ Адоамъ сврши овай описъ о Бетики, Телемакъ усхи-

ѣенъ учини му различна любопытна питаня: ти народи, говораше онъ, пію ли вина?

Они се небоє пити вино, одговори Адоамъ, зашто га никадъ нису хотели пити. Ніє то, зато што немаю грозѣа: никаква земля нераѣа толико сладкога грозѣа као ова, но се они задовољаваю єдући грозѣе, као и остале плодове, а одъ вина се боє, као одъ развратителя човеческогъ. То є родъ отрова, говоре они, кой поставля у ярость; онъ неуморава люде, али ій чини скотовима. Люди могу сахранити свое здравлѣ и свое крепости и безъ вина; съ виномъ иду у опасность да покваре свое здравлѣ, и да се лише добри нарави.

Телемакъ после овога говораше: я бы радъ быо знати, какви закони разполажу бракомъ кодъ тога народа? Сваки човекъ, одговори Адоамъ, држи по єдну жену, и држати ю мора, докъ є жива. Поштенѣ люди у овой землѣи зависи одъ нѣюве верности къ нѣювимъ женама, колико кодъ други народа зависи поштенѣ жена одъ нѣюве верности къ нѣювимъ мужевима. Никаква народа ніє было овако честна и овако любителя целомудрїа. Жене су ту лепе и прїятне, просте, благообразне и трудолюбиве. Браци су ту миролюбиви, плодни, безпорочни. Мужъ и жена чини се да су єдно лице у два различна тела; мужъ и жена носе меѣусобну домаћу бригу: мужъ управля делима на полю; жена се затвора у кућно домостройство, помаже мужу, и чини се, да ніє ни зашто друго, кромѣ само за угаѣанѣ своєе мужу. Она придобива нѣгово поверенѣ и развеселава га, не толико своїомъ красотомъ, колико своїомъ добродетелю. Ова права чаръ нѣювога садружества толико трає, колико и животъ нѣювѣ. Уздржанѣ, умереность и чисте нарави овога народа, даю му животъ дугъ и слободанѣ одъ болести; ту има стараца одъ сто, и одъ сто двадесетъ година, кои су іоштѣ весели и снажни.

Остає ми іоштѣ знати, како се они владаю, те избегаваю войне съ другимъ суседима? упыта Телемакъ.

Єстество ій є, рече Адоамъ, одлучило одъ други народа съ єдне стране моремъ, а съ друге стране къ северу высокимъ горама. У осталомъ народи суседни почитую ій за узрокъ нѣюве добродетельи. Кадшто се збыва, да се други народи немогу меѣу собомъ да погоде, пакъ зову нѣи, да имъ расуѣую нѣюве распре; и нѣима повераваю землѣ и градове, за кое немогу да се погоде. Будући, да овай мудри народъ никомъ ни-

каквога насиља нїе никада учинїю, тако се нико о нѣму и не сумня. Они се смею, кадъ чую, да цареви немогу да се поравнаю заради краица свои земаля; можелимо се бояти, велю они, да ће земля недостати людма? быће е више, него што ће ю моћи обделавати. Докле годъ буде земаля слободни и необработани, мы се нећемо башъ ни о саму ову, у коїой данасъ живимо, отимати противъ суседа, кой бы дошли, да намъ ю одузму. У свима жителяма Бетике ненаоди се ни гордости, ни високоумїя, ни вероломства, ни желѣ да распространи своя господства: тако нѣови суседи неимаю се чега бояти одъ таквога народа, а немогу се надати, и да ће га се икадъ бояти. Ето зашто їй оставляю у спокойству, тай бы народъ оставїю свою землю, или бы се пре предао смрти, него бы примїю на се робство. Тако, колико га е трудно подярмити, толико е онъ неспособанъ подярмити друге. Ето шта чини постоянни миръ, међу нѣима и међу другимъ суседима.

Адоамъ доврши оваї разговоръ рассказиваюћи начинъ, на кой Финкїяни воде трговину у Бетики. Ови народи, велюше онъ, быяу зачуђени, када видише да приходе по мору люде иностране и изъ далека, нама допустише да оснуемо градъ на острову Гадесу. Примише насъ съ добротомъ, и учинише насъ участницама у свему, што су имали, неузимаюћи никакве наплате. Они намъ сувише поднесоше, да намъ драговольно даду све оно, што бы нѣима заостало одъ нѣови вуна, кадъ бы свое потребе подпунили и снабдели. Донста они намъ много вуне на поклонъ дадоше. За нѣи е радость кадъ даю странцима нѣову излишность.

Нѣова рудокопїя нама уступише драговольно, коя су нѣима былм безполесна. Нѣима се чиняше, да люди нѣсу разумни, што иду съ толикимъ трудомъ да траже по утробї земной оно, што нити имъ може причинити среће, нити удовольити икаквой правой потреби. Некопайте, говорау они, тако дубоко у землю: будите задовольни обделаваюћи ю; она ће вамъ донети прави добара, коя ће васъ снабдети хлебомъ, вы ћете одъ нѣ добити плодове, коп више стоє него и злато и сребро, будући, да люди нетраже злата и сребра ни зашто друго, него да себи купе препитаня, коимъ да одржаваю свой животъ.

Мы смо често хотели нѣи научити у мореплавству, и водити младе люде изъ нѣове землѣ у Финкїю: но они никадъ нѣсу хотели, да нѣова деца науче живити као мы. Научићеду

се, веляу они, нужди одъ свію ствари, кое су у васъ благо-
потребне постале. Пожелаѣду ий, оставиѣду добродетель да
ий придобию чрезъ неправедне подвиге. Постаѣду, као еданъ
човекъ, кои имаюћи здраве ноге, али се е одучіо да ходи и
привикао се на послеракъ нужди да га свагда носе, као бо-
лестника. Што се тиче мореплавства, они се чуде трудолюбію
тога художества, али држе то художество за штетно. Ако ови
люди, говорау они, имаю у своіой земљи све оно, што имъ е
одъ потребе довольно, шта оида иду да траже по другимъ зем-
ляма? Оно што задоволюе потребе естества, піе ли нѣма до-
вльно? заслужую, да учине кораблькрушенѣ, кадъ траже по-
гибель по буряма, да задовољ скупость трговаца, и да ласкаю
страстима други люди.

Телемакъ быяше усхиѣнъ, слушаюћи овай разговоръ одъ
Адоама, и радоваше се, да имаше на свету іоштъ народа, кои
живећи по природи быяу тако уобште мудри и среѣни; о ко-
лико су те нарави, говораше онъ, удалѣне одъ нарави суетни
и словолюбиви они народа, кое држимо за наймудріе! мы смо
толико покварени, да бы едва веровати могли, да та простота
тако природна може бити истина; мы сматрамо нараве тога
народа као едну лепу басну, а онъ мора наше сматрати, као
нагрдни санъ.

Конацъ кнѣиге осме.

ТЕЛЕМАКЪ.

КНЪИГА ДЕВЕТА.

Докле Телемакъ и Адоамъ овако бесеђау заборавляюћи санъ, и неопажаяюћи, да се ноћ у нѣзномъ току већъ быаше преполовила, неко злоторно и лажно божество удаляваше ѿ одъ Итаке, кою корманощъ нѣовъ залуду тражаше. Нептунъ, премъ и быо покровитель Финикіянима, онегъ немогаше трлити, што въ Телемакъ избегао бури морской, коя га е бадила на каменѣ острова Калипсо. Венера быаше ѿштъ ердита, видећи да оваѣ млади човекъ све побеђава, победивши Амора и све цѣгове чарри. У изумленю нѣзине жалости остави она Цитереу, Пафосъ, Идалию и све почести, ков се нѣойзи чине у Кипру; она немогаше више живити у онимъ местима, у коима въ Телемакъ презрео нѣзино царство. Она отиде к' сѣйномъ Олимпу, гди се богови быау сабрали около престола Юпитерова. С' овога места сматрау они звезде, ков се обртау подъ нѣовимъ ногама; они гледау на шаръ земни, као на одну грудвицу блата; неизмерна мора чине се вѣма као каплѣ водене у коима е она грудвица блата мало огрезнула. Найвећа царства земна нису у нѣовимъ очима ништа друго, но зрно песка, ков на поврхности оне грудвице лежи; народи наймногобройни, и найсилнѣе войске есу, као ситни мрави, кой около листка едне травке прециру се на томъ блату. Безсмртни се смею найважнѣимъ и найзамислѣнѣимъ пословима, кой обезпокояваю смртне, и чине се нѣима, као дечине игре. Оно, што називаю люди величиномъ, славомъ, могућствомъ, дубокомъ политикомъ, то се овимъ врховнимъ божествама чини као ништина и слабость.

У томъ свевишнѣмъ обиталишту надземномъ, гди е Юпитеръ свой неподвижни престолю полежіо, очи нѣгове проницаваю чакъ у бездне, и освештаваю найскривенѣе савитке ерца, а погледи нѣгови благи и весели простиру тишину и радость

по вселеной. Напротивъ, кадъ само своіомъ косомъ затресе, задрмава се небо и земля; сами богови, кои га окружаваю, зрацима славе заслеплѣни, съ najveћимъ страомъ къ нѣму се приближаваю.

Сва божества небесна быяу у овоме магновеню ока при нѣму; Венера стаде предъ нѣга са свима чарима, коє изъ нѣзини недара происходе: нѣзино лако одело слайніє быяше него сви цветови, коима се дуга (Ирисъ) украшава посредъ мрачни облака, кадъ ѣе ужаснутимъ смртнима да предвести конаць непогоде, и да предяви повраћан лепога времена. То оделъ быяше боядисано ономъ славномъ боіомъ, на коіой се указиваю Граціє. Коса богинѣ быяше небрежльиво преденута са задн едномъ златномъ игломъ. Сви се богови удивише нѣзиной красоты, као да ю никада нису видели. Одъ нѣ быяу имъ очи заслеплѣне, као што се очи смртни заслепляваю, кадъ виде Феба (Сунце) после дуге ноћи, кои се показує, да ій осветли своимъ зрацима: они назирау другъ на друга съ удивленѣмъ, и нѣови се погледи враћау опетъ на Венеру; но они приметише, да очи ове богинѣ быяу обливене сузама, и да горка жалость быяше начертана на нѣзиномъ лицу.

Међу тимъ она се приближи к' престолу Юпитерову, ходомъ бистримъ, као што є брзо летенѣ птице, коя неизмерими просторъ воздуха просеца; она нѣга умилно сматраше; онъ се на ню милостиво насмея, скочи на ноге, и загрли є: драга кѣри моя, рече нѣойзи, каква є твоя туга? немогу већъ гледати на твоє сузе безъ сажаленя, нимало се небой одкрити ми твоє срце; ты познаєшь мою нежность и мою добру волю.

Венера му одговори с' прекиданѣмъ гласа свога збогъ уздисаня: о оче богова и люди! вы кои видите све, можете ли непознавати мою неволю? Минерва іоштъ незадовольна, што є разорпла до основа прегорди градъ Трою, кою самъ я заштићавала; и што се светила надъ Парисомъ, кои є предпочитовао мою красоту нѣзиной, она и по свима земляма и морама руководи сина Улисова, онога немилостивога разорителя Трое: Телемака проводи Минерва; и то ню задржава, што се овди непоказує у своме реду съ осталимъ божествама; она є водила онога младога безумника у островъ Кипаръ, да мене обожава; онъ є презрео мою власть: нѣє удостоію ни да жеже мирисе на моимъ олтарима. Показивао є одвратность одъ празнованя, коя се мени за честь чине; онъ є затворио своє срце

свима увеселеняма. Залуду в Нептунъ подизао ветрове и волне противъ нѣга, да бы га наказао на мое прошеніе; Телемакъ баченъ ужаснимъ кораблѣкрушеніемъ на островъ Калипсию, победіо в и самога Амора, кога самъ я послала была на тай островъ, да бы умекшао срце тога младога Грка. Ни нѣгова младость, ни чари Калипсиане и нѣзини нимфа, ни ватрене Аморове стреле нису могле преодолети хитрости Минервиной. Она истрже Телемака изъ тога острова. Ето зашто самъ я жалостна; дете торжествуе надамномъ!

Юпитеръ, да бы утешіо Венеру рече іой: моя кѣри! истина в то, да Минерва заштиѣва срце онога младога Грка противу свію стрела вашего сына, и да му она приуготовлява славу, какву никада никакавъ младъ човекъ ніе заслужіо. Ніе ми драго, што в онъ презрео твоє жертвенике, али га немогу подвести подъ твою власть. За любовъ твою я се саглашумъ, да онъ іоштъ блуди по мору и по води, да живи удалѣнъ одъ свога отечества подложанъ свакоме злу и бедама. Судбине никако недозволяваю, нити да онъ пропадне, нити да нѣгова добродетель подпадне подъ удовольства, коима ты ласкашъ людима. Утешавай ее дакле моя кѣрко! буди задовольна, што двжишъ у твоіой власти толике друге юнаке и толике безсмртне.

Изговоривши ове речи насмеє се на Венеру съ много красоте и величества; сѣйность, коя исхоѣаше изъ нѣгови очію, подобна быаше найпроницателніимъ мунямъ, целуюѣи Венеру съ нежношћу просу онъ Амвросіє мирисъ, коимъ замириса цели Олимпъ. Богиня се немогаше уздржати да неосеѣа лобзаніє найсилнієга одъ свію богова. Противъ нѣзини суза и нѣзине болѣ примечаваше се на нѣзиномъ лицу радость распрострта. Она спусти завесу, да бы сакрила румень свои образа, и сметнѣ, у коима се наоѣаше. Цело сабраніє богова похвали речи Юпитерове; Венера негубеѣи ни магновеня ока отиде, да наѣе Нептуна, и да се договори съ нѣиме о средствама, како бы се осветила на Телемаку.

Она исприча Нептуну, све што Юпитеръ нѣой рекао быаше. Я самъ знао, одговори Нептунъ, непременно заповестъ судбина; но ако неузмогосмо упропастити Телемака у волне морске, баремъ непропуштаймо никаква средства за учинити га злосреѣнимъ, да задоцнимо нѣговъ повратакъ у Итаку. Я се немогу сагласити, да учинимъ, да пропадне лаѣа финикиска, у коіой се онъ навезао. Я любимъ Финикіане; то в мой народъ.

Никакавъ други народъ непосећава царство мое толико, као они. Чрезъ нѣи є постало море садружествомъ свою народа на земљи. Са безпрестанимъ жертвама они мене почитую на момъ олтарима, они су праведни, мудри, радени у трговини; они распространяваю свуда удобность и изобилѣ. Не богиньо! я не дамъ, да и една нѣова лаѣа пропадне. Него ѣу учинити, да корманошъ изгуби свой путь, и да се удали одъ Итаке, куда є науміо нѣи.

Венера єадовольна овимъ обећаньима смеяше се злобно, и врати се натрагъ на нѣзинимъ летуѣимъ колима на цветне ливаде у Идалію, гди граціє, игре и смей показиваю свою радость, видеѣи ю опетъ да игра около нѣ по цвеѣу, кое очараваше и испуњаваше мирисомъ сладкимъ овай животъ.

Тай часъ посла Нептунъ єдно лажљиво божество подобно сановима, осимъ што санови вараю само у спаваню, а ово божество успавлює чувства они, кои су будни. То божество злочино, окружено множествомъ безбројни лажљиви крилати санова, кои летише около нѣга, и изливаю неку субтилну и пріятну обаяность на очима корманоша, кой непрестано сматраше сѣйность месеца, токъ звезда и обрежіє одъ Итаке, одъ кое близу усмотраваше веѣъ стрмените стене.

У томъ магновеню ока очи корманоша непоказиваю веѣъ ништа истино. Неко друго небо, друга земля предъ нѣга се представляше. Звезде се чиняю, као да быяю променуле свой токъ, и опетъ се вратиле. Цели се Олимпъ чиняше у движеню по новимъ законима, и сама се земля быяше променила. Лажна Итака показиваше се безпрестано, као да га развесели донде, докъ се неудалѣи одъ истине. Што се више онъ приближаваше къ томъ обманюѣемъ образу края одъ острова, то више бежаше тай образъ. Онъ непрестанце испредъ нѣга бежаше и незнаѣаше, шта ѣе мислити о томъ бегству. По гдикой путь онъ себи уображаваше, да веѣъ чув лупу, коя се чини у некоемъ пристаништу. Веѣъ се приуготовляваше по заповести, кою быяше примію да пристане потайно у неки мали островъ, близу великога, да бы затаяо повратакъ овогъ младога принца одъ любавника Пенелопини, кои быяю сви злоумислили противу нѣга. Неколико се пута бояше онъ стена, кое окружаваю тай островъ, и као да чуяше грозно риканѣ мора, кое се разбія о стене: по томъ примети онъ на єданъ ма, да земля іоштъ быяше поудалѣна. Брда быяю предъ нѣговимъ очима у томъ ра-

стояню, као мали облачићи, кои кадшто зреникъ потамняваю, докле сунце седа. Тако быаше Атамасъ зачуђенъ збогъ утицаја лажљивогъ божества, кое вараше нѣгове очи. На последакъ дознаде онъ, да е досада быо незнано као обузетъ. Јоштъ чисто хотјаше мислити, да нѣ буданъ, и да е као у игри и као у сну.

Међутимъ Нептунъ заповеди ветру источномъ, да дуне, и да баца лађу къ странама Хесперије. Ветаръ се повинова съ таквимъ устремленѣмъ, да лађа у скоро дође къ брегу, кога Нептунъ быаше назначио. Већъ зора предвештаваше данъ; већъ звезде, које се одъ луча сунчани плаше, и које на сунце мрзе, хиташе да сакрју у океану своје мрачне огнѣве, кадъ корманошъ повика: я се већъ сумњати немогу, мы смо близу Итакѣ. Радуйте се Телемаче! у едномъ магновеню јоштъ вы ћете видети Пенелопу, и наћи Улиса седећа на своме престолу.

На ову вику Телемакъ, кой недвижимъ быаше у наручјама сна, пробуди се, устаде и попе се на лађу, загрли корманоша, и очима своима јоштъ добро неотворенима сматраше крепко оближњи край. Онъ уздану, кадъ невиде брегове свога отечества. Ахъ где смо мы? рече онъ, нѣ то ту моя предрага Итака. Вы ете се преварали Атамасъ! Вы добро не познаете ово место удалѣно одъ вашѣга отечества. Не, не, я се немогу варати сматрајући обрежје овога острова. Колико самъ пута я уодио у ваше пристаниште! я познаемъ нѣговъ најмањи каменъ; украй Тира нѣ ми више познато. Познаете ли оно брдо, што е предъ нама, гледайте ону стену, што е висока као кула. Нечуєте ли волну, како се разбија о стене, кое своимъ падомъ угрожаваю мору? шта, невидите ли храмъ Минерве, кой просеца облаке? ено тврдинѣ и дома Улиса, вашѣга родитеља.

Вы се варате о Атамасъ, одговори Телемакъ, я напротивъ видимъ землю високу и равну, видимъ неки градъ, кой нѣ Итака. О Богови! тако ли се вы играте съ людима?

Докъ онъ изговори ове речи, на еданъ путъ се очи Атамаса променуше. Чародѣйство раскину се, онъ усмотри край онакавъ, какавъ у истини быаше; и познаде свою погрешку. Я признаемъ о Телемаче! повика онъ; неко непријательско божество заслепило е мое очи. Я мисля да видимъ Итаку, и нѣзинъ обликъ са свимъ се мени представляше; а у овомъ часу исчезну испредъ мене као неки санъ. Я видимъ неки други

градъ: ово е безъ сумнѣ Салентъ, когъ е Идомей избегши изъ Крете основао у Хеспери; видимъ зидове подигнуте, али юштъ недокончате; видимъ пристаниште юштъ са свимъ неукреплено.

Докле Агамасъ сматраше различне рукотворине у овоме новопространоме граду, и докъ Телемакъ оплакиваше свою несрећу, ветаръ, коме Нептунъ заповедаше да дува, унесе иъ съ разширенимъ платнама у заклонъ, гди се већъ у заветрини са свимъ близу пристаништа наоѣау.

Менторъ, кой познаваше и освету Нептунову и немилости-ве хитрости Венерине, само се быяше насмеяо о погрешки Агамаса; а кадъ већъ быяу у заклону, Менторъ проговори къ Телемаку: Юпитеръ васъ искушава, но неће вашу пропасть; напротивъ онъ васъ непроба ни за што друго, осимъ да вамъ отвори путь к' слави. Спомените се подвига Херкулеви, и имаите свагда оне вашего родителя предъ очима. Кой годъ незна трпѣти, тай нема велико срце. Вашимъ трпленѣмъ, и вашимъ мужествомъ ослаблявайте вашу немилостиву судьбу, коя има удовольствие да васъ гони. Я се за васъ манѣ боимъ одъ найужасни немилости Нептуна, колико одъ ласканя оне богинѣ, коя васъ хотяше задржати на своме острову. Што се задржавамо? улѣзимо у то пристаниште. Ево овди народа прѣтеля; мы къ Грцима долазимо. Идомей гонѣнъ несрећомъ имаће састрада-ня о несрећнима. Тай часъ улѣзоше у пристаниште одъ Салента, у коме се финикиска лаѣа безъ препона прими; ербо Финикияни живе у миру и у трговини са народима одъ целогъ света.

Телемакъ сматраше съ удивленѣмъ тай новоустроени градъ, подобанъ молодой травки, коя напоена сладкомъ ноћномъ росомъ, осеѣа юштъ одъ ютра зраке сунца, кой ню украшаваю; она расти, отвора свое нѣжне пупольке, разшируе свое зелене листове, отвора мирисуѣе цветове съ хилядомъ нови боя; сваки часъ гледаюћи ю наодимо на нѣой нову сѣйность. Тако нови градъ Идомеяа цветаше украй мора. Сваки данъ, сваки сатъ онъ расташе съ величественостѣу; изъ далека странцима указиваше нове красоте домостройства, кое се подъ небеса узвишаваше. Вика делателя и лупа чекича чуяше се по целоме пределу, каменѣ висаше обешено о едеци, сви поглавари ободроваху народъ къ послу; како се зора почне указивати, царъ

Идоменей почне издавати заповести, и чиняше да послови напредую съ невероватнимъ прилъжанѣмъ.

Їдва лаѣа финикиска быяше пристала, и таки Кретяни дадоше Телемаку и Ментору сваке знаке искренога пріятельства. Похиташе явити Идоменею долазакъ сина Улисова. Синъ Улисовъ! повика онъ; Улиса онога предрагога пріятеля, онога премудрога хероя, чрезъ кога смо мы на последку градъ Трою разорили! нека се доведе овамо, и да му я покажемъ, како самъ я любіо нѣговогъ родителя. Таки представише Телемака, кой запроси у нѣга гостопримства казиваюћи му свое име.

Идоменей му одговори съ лицемъ веселимъ и смеюћимъ се : башъ да ми нису казали кои сте вы, я мислимъ, да бы васъ познао. Ево самога истога Улиса; ево нѣгови очію пуни огня, и кога погледъ быяше тако постоянь; ево нѣгова облика найпре хладна и уздржана, кои сакриваше толико живости и красоте. Я познаемъ башъ онай танки смей, оно небрежљиво деланѣ, говоръ тихи, простъ и силанъ, кои убеѣаваше пре, него што бы имали времена да му неверуемо. Да, вы сте сынъ Улиса, али ѣете вы быти и мой сынъ. О сыне мой, предраги сыне, какво васъ приключенѣ овамо доведе? да нетражите вашегъ родителя? ахъ я незнамъ о нѣму никакове вести: судба е гонила и мене и нѣга; онъ е имао несрећу, што нів могао наћи свога отечества, кою самъ и я претрпіо нашавши мов, али испунѣно гнѣвомъ богова противу мене.

Идоменей, докле ове речи говораше, сматраше Ментора крепко, као некога човека, кора му лице быяше познато, али му немогаше имена погодити. Меѣутимъ му Телемакъ са сузама у очима одговараше: о царе! извините ме у моіой жалости, кою вамъ немогу сакрити, особито у време кадъ самъ дужанъ показати радость и признателность за вашу доброту. Чрезъ сажаленѣ, ков показуєте о изгубленію Улиса, вы мене обавешћуєте, као да осећамъ несрећу, што ненаодимъ мога родителя. Има довольно времена, како га я тражимъ по свима морама. Богови разярени недозволяваю ми да га опетъ видимъ, нити да знамъ ели учинію кораблѣкрушенѣ, нити да се повратимъ у Итаку, гди Пенелопа страда у желъи да буде избавлѣна одъ свои любавника. Я самъ мисліо да васъ наѣемъ у Крети: я самъ онде разумео за ваше немилостиво определенѣ, и нисамъ никада у мисли имао, да ѣу морати доћи у Хесперию, у коіой сте вы основали ваше ново царство. Но среѣа, коя се игра

съ людма, и коя ми чини да блудимъ по свима земляма, далеко одъ Итаке, бацила ме е напоследакъ у ваше пределе. Међу свима залама, коє ми е учинила, ово е, коє я найдраговольнѣ подносимъ. Ако ме удалява одъ мога отечества, по крайной мери дає ми баръ да познамъ найславнѣ одъ свію царева.

При овимъ речима Идоменей нежно загри Телемака, и уводећи га у свой дворъ говораше къ нѣму: какавъ е то благо разумни стараць, кои васъ прати, чини ми се да самъ га неколико пута видію. То е Менторъ, одговори Телемакъ, Менторъ пріятель Улисовъ, коме е онъ препоручію мое детинство, и кой бы вамъ све могао казати, шта самъ му я дужанъ благодарити.

Идоменей се таки приближи, и пружи Ментору руку: мы смо се негда видели, говораше онъ, опоминѣте ли се путованя, коє сте чинили у Крету, и они добри савета, што сте мени давали? но онда жаръ юности и суетни вкусъ удовольства мене одвлочаше. Нужно е было, да ме мое несреће науче, и да ми докажу, да имаде богова. О да самъ я вами веровао мудри старче! но я съ удивленіемъ примечавамъ, да се вы ни мало нисте променили одъ толико година; то е іоштъ она свежность лица, онай исти прави струкъ, онай иста живость, само коса што вамъ е нешто побелила.

Велики царе! одговори Менторъ, да самъ я ласкатель, я бы вамъ казао на исти начинъ, да сте вы задржали онай цветъ младости, кои се сіяше на вашемъ лицу пре обсаде Трое; но я бы волю неугодити вама, него повредити истину, у осталомъ изъ вашега мудрога разговора, видимъ я, да вы нелюбите ласкательство, и да се ни съ чимъ кодъ васъ неризикує, ако вамъ се съ искреношћу говори. Вы сте се много променили; я бы васъ едва могао познати, а я томе ясно видимъ узрокъ: то е, што сте много страдали у вашимъ несрећама. Него сте много доби́ли страдаюћи, ербо сте придобили мудрости. Ласно се можемо утешавати о борама, коє долазе на лице, докъ се срце упражнява и укреплява у добродетельи. У осталомъ знайте, да се цареви свагда више губе него остали люди. У несрећи, страдања душе и замуке тела, чине и едно и друго да се остари пре времена, у благованю, сладости живота распуштена убіяю и тело и душу іоштъ више, него све муке войне. Ништа нѣ тако нездорово, као што су веселя, у коима се неумемо умеравати. Отудъ происходи, што цареви и у миру и у рату сваг-

да имаю муке и удовольства, коя приводе старость пре времена, коя бы морала наравно доћи. Животъ трезвенъ, умеренъ, простъ, слободанъ одъ безпокойства и одъ страсти, правиланъ и трудолюбивъ одржава у членовима мудра човека живу младость, коя е безъ ти предохраненя свагда готова да одлети на крилима времена.

Идоменей усхићенъ разговоромъ Ментора слушао бы га задуго, да му недођоше да га опомену о жертвоприношеню, кое дужанъ быяше да учини Юпитеру. Телемакъ и Менторъ иђау за нѣмъ обколѣни многимъ народомъ, кои съ устремленѣмъ и любопытствомъ сматраше она два странца; Салентини говорау еданъ другоме: ова су два човека са свимъ различна онай млади има незнамъ нешто живо и любко; све чари красоте и младости простиру се по нѣговомъ телу. Но та красота нема ништа распуштеногъ и изштећеногъ нити женскогъ съ тимъ цветомъ младости тако нежнимъ онъ се види као снажанъ крепакъ, и отврднутъ у послу; онай други и ако е много старѣи ѿштъ ништа изгубио нѣ одъ свое красоте; с' почетка се показуе нѣговъ видъ простъ и лице нѣгово безъ красоте, али кадъ га изъ близа посмотримо, наодимо у нѣговой простоти знаке мудрости и добродетельи с' удивителнимъ благородствомъ. Кадъ су богови славили с' неба, да се смртнима яве, безъ сумнѣ су узимали на себе такове образе странаца и путника.

Дођоше међу тимъ у храмъ Юпитера, кога е Идоменей будући е одъ лозе тога бога, с' много величествености украсио быо. Онъ быяше окруженъ двоякимъ редомъ мраморни стубова, одъ кои венцы быяу одъ сребра. Храмъ цео састояше се изъ мрамора, а изрезци, кои представляу Юпитера претворена у бика, зграбленѣ Европе, и нѣговъ преодъ чрезъ волне морске у Крету; кое почитовау Юпитера, ако онъ и быяше подъ странимъ видомъ. Потомъ указиваше се рођенѣ и детинство Миносво; после, како овай мудри царъ, будући остарио, давъ законе целомъ своме острову, да бы га за свагда учинили цветущимъ. Ту примети Телемакъ такођеръ главна приключеня Трое, у коме е Идоменей добио славу великога хероя, и помеђу изображенимъ биткама тражаше и свога родителя. Онъ га познаде ватаюћа конѣ Резуса, кога Диомедъ быяше убио; после препираюћа се с' Аяксомъ за Ахилево оружје предъ свима сабранимъ поглаварима одъ войске грчке, после исходећа, изъ несрећу носећа коня, да бы пролио крвь толики Трояна.

Упутъ га познаде Телемакъ по тимъ славнимъ делима, о којма њ онъ често слушао да се говори, и што му њ самъ Менторъ преповедао. Сузе потекоше изъ њгови очію, у лицу се промену, коѡ се чиняше смућено, и то Идомеией примети, премда Телемакъ быяше се на страну обрнуо. да бы сакріо свою сметню. Нестидите се ни мало, рече му Идомеией, показати се предъ нама, колико осећате славу и несреће вашега родителя.

Међу тимъ множина народа сабираше се предъ пространимъ вратима, која се састояше изъ двојки редова одъ стубова, кои окружавау храмъ. Два хора млади момака и млади девојка попевау стихове на похвзлу бога држећа у своимъ рукама громъ. Ти младићи избрани одъ лепоте најблагопріятніе имаћау дуге, летуће власи по њіовимъ раменима. Главе њіове увенчане быяу ружама и умашћене мирисима; сви быяу одевени у бело. Идомеией чиняше Юпитеру жертвоприношенѡ одъ сто волова, да бы га себи учиніо благосклона у ѡдној войни предузетой противъ свои суседа. Крвь животниа димляше се одъ свію страна, и течаше у сосуде одъ злата и сребра.

Старацъ Теофанъ, пріятель богова, и жрецъ храма, држаше у време жертвоприношеня главу покривену краємъ свое одежде одъ порфире; потомъ испытываше онъ цревз, која іоштъ жива быяу; после седаюћи на свети треножацъ: о богови! повиче онъ, каква су ова два странца, коѡ богови у ова места пошлю? Предузета война была бы безъ њи за насъ жалосна и Салентъ бы пао у разоренѡ пре, него бы подигнуть быо на своеме основаню. Я видимъ ѡднога младога хероя, кога мудрость води за руку — — —. Смртнимъ устима ніѡ дозволѡно да о томъ више говоре.

Изрекавши ове речи погледъ му быяше суровъ и очи му быяу усіяне: онъ се чиняше, као да види друге предмете, а не оне, што быяу предъ њимъ. Лице њгово быяше запалѡно: онъ быяше смућенъ и изванъ себе. Власи се њгове быяу настршили, уста запенила, а руке му беху подигнуте и недвижиге. Гласъ њговъ утанчанъ, быяше крепчіи, него икакавъ човечіи гласъ: већъ діяти немогаше, и немогаше у себи задржати затвореногъ божественогъ духа, кои га колебаше.

О срећни Идомеией, іоштъ повика онъ, шта видимъ я! какве избегнуте несреће! какавъ сладки миръ у внутрености! какве победе, о Телемаче! Твоя дела превосходе дела твога родителя, и горди непріятель стенѡ у прау подъ твоимъ мачемъ;

врата медна неприступиме оградѣ, падаю к' твоимъ ногама, о велика богиньо! коя нѣгова отца. . . . О млади юноша! ти ћешъ на последакъ видети . . . при овимъ речма речи му изумру у устима, и онъ стаде као изванъ себе у ћутаню пуномъ удивленя.

Савъ народъ быяше се смрзао одъ страа. Идоменей устрашенъ, несмеде да му рекне да доконча; самъ Телемакъ зачућенъ, едва разуме оно, што чуо быяше: едва може, да веруетимъ высокииъ предсказаняма. Само се еданъ Менторъ о божественомъ духу небыяше зачудіо. Вы видите, вы разумете намеру богова. Противъ каквога народа да узвоуете, победа ће быти у вашихъ рукама, и вы ћете быти дужни благодарити младоме сыну вашего пріятеља, за срећу вашего оружія. Небудите зато ревниви, ползуйте се само тимъ, што вамъ богови чрезъ нѣга даю.

Идоменей іоштъ небыяше дошао к' себи одъ онога ужаса: залуду онъ искаше речи, езикъ му быяше недвижимъ. Телемакъ готови рече Ментору: толике обећане речи ни мало ме некрећу; но шта могу значити оне последнѣ речи, ти ћешъ видети? или мога родителя, или само Итаку? ахъ зашто небыяше довршио, оставіо ме е више у сумњи, него што самъ быо! О Улисе! о родителю мой, оћете ли вы то исто быти, што я морамъ опеть видети: оће ли быти истина? алъ я себи ласкамъ, немилостиво прорицалиште! теби е удовольствие да се играшъ съ еднимъ злосрећнимъ; іоштъ одну речь, и я бы у савршеной срећи быо.

Менторъ му рече: почитуйте то, што вамъ богови откриваю, и неиспытуйте много оно, што су они ради сакрити. Неразсудно любопытство заслужуе, да буде смућено. Чрезъ мудрость пуну благости сакриваю богови слабимъ смртнимъ своя намереня у ноћи непроницаемой; полезно е предвиђати оно, што одъ насъ зависи, добра да учинимо; алъ е іоштъ полезнѣ оно непознавати, што независи одъ наши стараня, и оно што богови съ нами намераваю.

Телемакъ дирнутъ овимъ речима у срце, едва се уздржа.

Идоменей, кои се повратио быяше одъ ужаса, започе са свое стране хвалити Юпитера, кои му е послао младога Телемака и мудрога Ментора за учинити га победоноснимъ надъ нѣговимъ непріятељима. После величественога обеда, кои за жертвованѣмъ слѣдоваше, онъ овако говораше к' овимъ странцима:

Признаемъ, да я јоштъ довольно нисамъ искуства имао да царуемъ, кадъ самъ се повратио у Крету после обсаде Троянске. Вы знате, драги приятели, несреће, које су ме лишиле царства на ономѣ великомъ острову, како ме уверавате, да сте онде были, одъ како самъ я отишао. Јоштъ у томе много самъ срећанъ, што су најнемилоствивіи удари несреће служили к' моме наставленю, и учинили ме умеренимъ. Я самъ као бегунацъ преодио мора, кога ѣ освета люди и богова гонила: све мое прошле господство служило ѣ на то, да учини мое паденѣ срамотнимъ и несноснимъ; прибегао самъ с' моимъ домаћимъ боговима у овай необитани предель, гди самъ нашао землѣ необделане, обрасле коровомъ и трњомъ, шуме тако старе, као што ѣ и сама земля, а стене готово неприступиме, у којима живляу дивльи зверови. Я быя принуђенъ радовати се, што самъ нашао ову землю с' малимъ броемъ войника и мои садруга, кои су благоволили замномъ у мое несреће поћи, и што самъ учинио изъ нѣ мое отечество, неимаюћи више никакове надежде, да ћу кадгодъ видети онај срећни островъ, у комъ су ми богови дали рођенѣ, да онде царуемъ. Ахъ, говора я самомъ себи, каква промена! какавъ ли ужасни примеръ нисамъ я за све цареве. Требало бы мене представити свима онима, кои на свету царую, да їй моимъ примеромъ научимъ. Они себи уображаваю, да се ничега немаю бояти, за узрокъ свога узвишеня сврху остали люди: а башъ само оно нѣново узвишенѣ чини, да се одъ свега имаю бояти. Мои неприятельи бояли су се мене, а мои подани любили су ме; я самъ заповедао народима силнимъ и воююћимъ, мое се име славило по најдальнимъ земляма; я самъ царовао на острову плодоносномъ и благопріятномъ; сто градова давали су ми годишњи данакъ одъ свои сокровишта; ти су народи мене припознавали, да самъ я у той землѣ рођенъ одъ племена бога Юпитера; они су мене любили као унука премудра Миноса, кога закони нѣи тако силнима и срећнима чине: шта ѣ недостајало мојой срећи, кромъ тога, што незнаѣа то уживати с' умереношћу? но моя гордость и ласкателство, које самъ я слушао, преврнуше мой престолъ. Тако ћеду пасти сви цареви, кои се предали буду желяма и советима душа ласкателни.

Даньомъ самъ се старао показивати лице весело и пуно надежде, за подржати мужество они, кои су самномъ пошли. Да начинимо, говора я нѣима, еданъ нови градъ, кой ће насъ

утешавати за све, што смо изгубили. Мы смо окружени народима, кои су намъ лепъ примеръ дали за таково предузеће. Видимо Тарентъ, кой се ето близу насъ подиже: Фалантъ са своимъ Македонцима основао е то ново царство. Филоктетъ именуе Петиліомъ велики градъ, што е онъ сазидао у истомъ пределу. Метапонтъ е таково подобно населенъ. Оћемо ли мы манъ чинити, него сви ти страни блудећи као и мы? срећа намъ ніе већъ више строга.

Докле бы я овакимъ речма ублажавао труде мои садругова, у глубини мога срца сакривао самъ смртну болю. Утеха быяше за мене онда када ме светлостъ дана оставляше, и долазаше ноћъ да ме покріе своіомъ мрачношћу, да бы оплакивао у слободи мое худо определенъ. Два потока горки суза течау изъ мои очію, и сладки бы санъ нѣма непознатъ бывао. Сутра данъ заночиня я мое послове с' новимъ жаромъ. Ето Менторе, шта е чинило, те си ме нашао овако остарела.

Кадъ Идоменей престаде говорити о своимъ бедама, онъ у Телемака и Ментора замоли помоћи у войны, у кою се заплео быяше. Я љу васъ послати, говораше нѣма, у Итаку, како се война оконча. Међу тимъ послаћу лађу на све најдальніе стране, да добіемъ вести о Улису. У каквомъ му драго месту было одъ познати земаля да га е бура морска или гнѣвъ каквогъ божества забацио, я љу га знати оданде избавити. Да богови даду, да онъ іоштъ живъ буде! А што се васъ тиче, я љу васъ послати на найбільимъ лађама, кое су икада построене быле у острову Крети. Оне су построене одъ дрвета сеченога на истиной гори Іди, на којой се е Юпитеръ родіо. То свето дрво неможе пропасти у мору; ветрови и стене бо е га се и поштую га: самъ Нептунъ у своме највећемъ гнѣву, не сме подигнути свое волне противу нѣга. Уверите се дакле, да ћете се срећно вратити у Итаку и безъ муке; и да васъ никакво злотворно божество неће више завести, да блудите по далекимъ морама: преодъ е кратакъ и лакъ. Отпустите лађу Финикиску, коя васъ е доведе донела: и садъ се толико старайте, како ћете придобити славу да постановите ново царство Идоменеево, и исправите све нѣгове несреће. Таковомъ ценомъ о сине Улиса! поћићете почитовани као достоянъ вашего родителя. Ако га буду башъ неумолиме судбине одправила у мрачно царство Плутонovo, то сва Грчка очарана мислиће да нѣга у вами види.

По овимъ речима Телемакъ пресече Идоменеа у беседи : да одправимо лађу Финикиску, рече онъ; што дангубимо, те не узимамо оружје, и неударамо на ваше непријателъ? они су постали и наши. Кадъ смо победили борећи се у Сицилији за Ацеста Троянца и непријателя, нећемо ли више распалѣни и спомогнути одъ богова бити, кадъ се станемо туђи за єднога одъ грчки Хероя, кои су разорили градъ Пријамовъ? Прорицалиште, што смо мало пре о томе чули, недає намъ ни мало о томе сумњати.

Конацъ књиге девете.

Т Е Л Е М А К Ъ.

КНЪИГА ДЕСЕТА.

Менторъ сматраюћи тихимъ и спокойнимъ лицемъ Телемака, кои быяше веѣ испунѣнъ благороднимъ жаромъ к' биткама, поче овако говорити. Драго ми е сине Улисовъ, видити у вами такву лепу страсть к' прославленю; но се опомените, да вашъ родитель нѣе другче могао добити онаку велику славу међу Грцима у обсади Троянской, развѣ показиваюћи се наймудримъ и найумеренимъ међу нѣима. Ахилесъ, и ако непобедимъ и неранимъ, известанъ будући, да ће, кудгодъ пође, простирати стра и смръть у биткама, нѣе могао узети града Трое; и самъ е погинуо предъ стенама тога града, кой е торжествовао надъ победителѣмъ Хекторовимъ. Но Улисъ, у коме благоразуміе провођаваше храбрость, унео е оганъ и мачъ посередъ Трояна: нѣговимъ рукама дужни смо благодарити падъ они високи и горди кула, кое су за десетъ година угрожавале целой саюженой Грчкой. Колико е Минерва виша надъ Марсомъ, толико благоразумна и предвидѣћа храбрость превосходи мужество напрасито и необуздано. Почнимо испытивати обстоятелства те войне, кою валя подржати: я неodrичемъ никакву опасность; но я мислимъ Идоменее, да сте вы дужни нама изяснити найпре, е ли ваша война праведна; пакъ противъ кога вы ню подижете; найпосле какве су ваше крепости, да се можете надати изъ еѣ среѣнومه успеху.

Идоменей му одговори: кадъ смо у ове пределе дошли, нашли смо овде народъ дивльи, блудѣћи по луговима, живећи одъ лова и плодова, кое дрва сама собомъ доносе. Ти народи, названи Мандуріяни, уплашише се кадъ видише наше лаѣе и наша оружія, и утекоше у планине. Но како наши войници любопытни быяу да виде землю, и хотећи ловити влене, найшоше на ове бежуѣе дивляке. Онда поглавице ови дивляка ре-

коше нѣма: мы смо оставили пріятно обрежѣ мора и вама га уступили; нама остаю само неприступиме горе, нѣ ли ба-ремъ право, да насъ у нѣма оставите с' миромъ, мы васъ на-одимо скитаюће, разсуде и слабѣ одъ насъ, не стон ли на на-шой воли, да васъ све поколѣмо, да ни ваши садружници ни-мало не сазнаду о вашей несрећи? али мы нећемо крвавити руке у онима, кои су люди као и мы. Идите и знайте, да сте дужни благодарити за вашъ животъ вашимъ чувствима чове-чества. Никада незаборавите, да сте одъ єднога народа, кога вы називате грубимъ и дивльимъ, примили ту науку умерен-ости и великодушія.

Наши овако натрагъ враћени одъ ови варвара дођоше у станъ и преповедише што имъ се быяше случило. Войници се разлютише на то; быяше имъ стидъ, да су Кретиани дужни благодарити свой животъ числу люди бегући, кои су више по-добни медведима, него людима, и пођоше їй много више у ловъ него пре, и са свакоякимъ оружїемъ. Одма суеретоше див-ляке, и на нѣи ударише: бой быяше немилостивъ; стреле ле-теше и с' єдне и с' друге стране, како годъ што градъ пада по полю у време велике непогоде. Дивляци надбївни побегну у свое стрмене планине, у кое наши несмедоше се упустити. После мало времена послаше ти народи к' мени два одъ нѣи-ови наймудрїи стараца, да ишту одъ мене мира. Донесоше ми дарове: коже одъ дивльи зверова, кое су они потукли, и пло-дове землѣ. Предавши ми те дарове овако почеше говорити:

О царе! мы држимо како видишь у єдної руди саблю, а у другой гранчицу маслине (ваистину они држау и єдно и друго у своимъ рукама). Ево ти мира, ево ти войне, избирай. Мы бы волели миръ. За любавъ мира мы се нисмо стидили теби уступити питоми край мора, на коме сунце чини землю плодоносну, и производи толико благородни плодова; миръ є слађи него сви ти плодови. Заради нѣга мы смо утекли на те високе планине покривене свагда снегомъ и ледомъ, на коима никада нема ни пролетна цвећа, нити плодова єсенїи. Мы има-мо одвратности одъ онога скотства, кое подъ лепимъ именима честолюбля и славолюбля иде лудо да разорава землѣ и про-сиплѣ кровь люди, кои су сви браћа. Ако ти є та лажльва слава мила, мы ти ю незавидимо; мы сажалюємо и молимо богове, да насъ сахране одъ подобне ярости. Ако науке, кое Грци съ толикимъ старанїемъ изучаваю, и ако воспитанѣ, коимъ

се толико хвале, нѣма ништа друго неулива, кромѣ ти мрски неправда, то мы себе држимо за пресреѣне, што неприяжавамо те користи. Мы ћемо се сатимъ славити, ако будемо свагда незналци и варвари, но праведни, верни, некористолюбиви и приобикнути да довольни будемо съ малимъ, и да презиремо суетну деликатность, коя причинява потребу одъ многога. Мы поштуемо здравлѣ, уздржанѣ, слободу, крепость тела и духа, къ томе іоштѣ любовъ къ добродетельи, стра къ боговима, благосклоность ыѣ нашимъ ближнимъ, приврженость къ нашимъ пріятельима, верность къ целоме свету, умереность у среѣни, постоянство у несреѣни, дрзость говорити свагда неустрашимо истину, одвратность одъ ласкателства. Ево какви су народи, коима те нудимо да имашѣ за суседе и саюзнике. Ако су те дотле разгнѣвлѣни богови заслепили, да те учине да одбацшѣ мирѣ, ты ћешѣ познати, но весма поздно, да су люди, кои чрезѣ умереность любе мирѣ, найстрашнѣи у войны.

Докле ти старци тако къ мени говорау, нисамъ іѣ се доста могао нагледати. У нѣи быяше брада дуга и небрежљива, власи краткѣ но оседиле, обрве густе, очи живе, погледи и стасѣ постоянѣ, говорѣ нѣювѣ важанѣ и пунѣ силе, движени проста и немарна; коже, изѣ кои быяу нѣюве хальине, скопчане быяу на леѣима, и показивау мишице пуне и крепке, као шго су у наши бораца. Я одговоримъ овой двойци старцима, да желимъ мира. Мы се меѣу собомъ погодимо у неколикимъ условіама драговольно: узесмо къ томе богове за сведоке, и я отправи натрагѣ ове люде съ даровима. Но богови, прогнавши ме изѣ царства мои предака, іоштѣ небыяу престали гонити ме. Ловци наши неизвештени одма о миру новоучинѣвоме, сусретоше іоштѣ онаѣ исти данѣ велико число ови дивляка, кои свое посланике провоѣау, кадѣ су се вратили изѣ нашега стана, нападоше на нѣи съ ярошѣу, побише неколико одѣ нѣи, и остале прогонише у шуму. Ево ти оцетѣ ужежене войне. Ови варвари веѣѣ се немогау поверити више нашимъ обеѣаняма, нити нашимъ заклетвама.

Да бы силнѣи были противу насѣ, призвали су они у помоѣѣ Локрѣянце, Апуліянце, Луканіянце и Брутѣянце, народе одѣ Кротоне, одѣ Нерита, одѣ Месапіѣ и Бриндизіѣ. Луканіянци долазе съ колима наоружанимъ съ оштримъ косама. Меѣу Апуліанцима сваки ѣ одевенѣ кожомъ дивлѣгѣ звера, кога ѣ кой убіо. Они носе велике чворновате тояге и оковане желѣ-

зомъ, раста су готово гигантска, и телеса њиова постаю тако крепка чрезъ трудна упражненя, коима се предаю, да и самъ њиовъ видъ угрожава. Локріанци произишавши изъ Грчке осећаю іоштъ свое происхођењъ, и всу човечпнн, него остали; но су присаєдинили точномъ ученю войске Грчке живость варвара, и обичай проводити животъ тврди, кое ій чини непобедимима. Они носе штитове лаке и оплетене одъ ивова дрвета, поставлѣне кожомъ, а саблѣ су њиове дуге. Брутїанци лаки су као елени, и као кошуте у трчаню: мислю бы, да найнежнїя трава нїе погажена под њиовимъ ногама, едва имъ се стопе познаю на песку. Нечаяно нападаю на свое непрїятелѣ, и опетъ съ равнимъ устремленїемъ исчезаваю. Народи одъ Кротоне знаду добро стреляти, найискуснїи мужъ изъ Грчке небы умео тако натегнути лукъ као што в обичайно у Кротонїяна; и када бы годъ почели они прилѣжавати у нашимъ играма, они бы добили првенство. Њиове су стреле умочене у соку неки отровни трава, кое происходе одъ брегова Аверна, одъ кои в отровъ смртанъ. А што се тиче они одъ Перита, Мезапїе и Бриндїе, они ништа особљиво немаю кромъ крепка тела и храбрости безъ вештине: вика, кою до неба подижу при угледаню њиови непрїятеля, ужасна в. Они добро управляю праѣкама (пударкама?) и потамняваю воздухъ множиномъ баченога каменя; но бїю се безъ порядка. Ево Менторе, шта сте вы ради били дознати: вы сада познаете узрокъ ове войне; и кои су наши непрїятельи.

После овога обясненя Телемакъ нестрпелливо желећи побити се мисляше, да му друго неостав, кромѣ узимати оружїе. Менторъ га іоштъ сама задржа, и овако говораше къ Идоменею:

Одъ куда в то, да се сами Локріанци, народи произишавши изъ Грчке, присаєдиняваю къ варварима противу Грка? откуда бива, да толика Грчка населеня цвѣтаю у томъ пределу мора, неимаюћи нужде те исте войне водити као вы? Идомене, вы кажете да богови іоштъ нису престали гонити васъ! А я кажемъ, да богови іоштъ нису докончали васъ учити: толика страданя, коя сте поднели, іоштъ васъ нису научила, шта треба чинити за избећи войну, оно, што сами казуете о праводушію они варвара, довольно доказуе, да сте вы могли съ њима у миру живити. Али гордость и високоумїе вуку найопаснїе войне. Вы сте могли њима дати люде у залогъ, и

одъ нѣи такове узети; ласно е было послати съ нѣиовимъ посланицима неколико одъ ваши поглавица, да иѣи проведу у безопасности. Одъ како се ова война обновила, вы сте дужни были ублажити иѣи представляюѣи имъ, да су они повреѣени были погрешкомъ незнаня о саюзу, о коме сте были заклетѣи. Требало е нѣима дати сваке безопасности, што бы годъ они зактевали, и поставити строга наказаня, противу онакови одъ ваши подани, кои небы сматрали на тай саюзъ. Но шта се случило одъ започетка те войне?

Чинило ми се, одговори Идоменей, да нисмо могли безъ худости опетъ тражити те варваре кои итно сабирау све люде, кои су у узрасту да могу носити оружїе, и кои су испросили помоѣи одъ свїю суседни народа, кодъ кои су насъ довели у подозрѣнѣи и у омразу. Учїни ми се найбезопаснїе дело, найпре и найпре да отнемъ тесне пролазе планина, кои небыяу добро чувани. Отесмо иѣи безъ муке. Чрезъ то смо дошли у станѣи да можемо разорити те варваре. Я самъ на томъ месту подигао куле, съ кои наши войници могау забранити приступъ непрїательима, кои бы преко планине на нашу землю ударити могли; а ми у нѣиову можемо уѣи и разорити нѣиова главна места, кадъ намъ по вољи буде. Тимъ средствомъ мы можемо противстати са неравнимъ силама безбройной множини непрїателя, кои насъ окружаваю. У осталомъ тешко ће меѣу нама мира быти: мы нѣима неможемо отступити оне куле, да се необнажимо нѣиовимъ честимъ нападеняма; а они сматраю оне куле као укреплєня, посредствомъ кои ми иѣи намеравамо потчинити

Менторъ овако одговори Идоменею: вы сте мударъ царъ, и ради сте да вамъ се одкрїе истина безъ свакога ублаженя: вы нисте, као они слаби люди, кои се бое видити е, и кои лишени мужества да себе поправе неупотребляваю на друго свою власть, развѣи самѣи на то, како ће одржати погрешке кое су учїнили. Знайте дакле, да вамъ е тай народъ варварски дао пречудну науку, кадъ е доодїо у васъ да проси мира. Ели га тражїо одъ слабости? е ли се лишавао мужества или способа противу васъ? Вы добро видите, да нїе, будуѣи да е тако отврднуо у войны и да е спомогнутъ одъ толики страшни суседа. Што вы неподражавате нѣиговой умерености? но худа срамота и лажљива слава, забациле су васъ у ту несреѣу; боите се да неучїните непрїателя гордимъ, а небоите се учїнити га пресїлнимъ присаєдиняваюѣи толико народа противу васъ по-

веденъмъ високоумнимъ и неправеднимъ. Къ чему служе те куле кое толико хвалите, ако не да приведете ваше суседе у нужду, или да сви пропадну, или да учине, да вы пропаднете за предохраненъ свое одъ скорога потчиненя? вы сте за вашу безопасность подигли те куле; а башъ сте збогъ ти кула у великой опасности.

Найбезопаснѣя ограда еднога царства естъ правда, умеренность, праводушіе, и уверенъ, у коме се наоде ваши суседи, да вы нисте кадри нѣма отети нѣове землѣ. Найтврѣи градови могу збогъ различни непредвидими случая пасти. Среѣна е у войны чудна и непостояна, а любавъ и уверенъ ваши суседа, кадъ познаду вашу умеренность, чине вашу землю непобедимомъ и готово никадъ неугрожаемомъ. Кадъ бы на ню башъ неки неправедни суседъ и напао, сви остали ради нѣзиномъ одржаню упуть се наоружаваю, да е одбране. Тай потпоръ одъ толики народа, кои свое праве користи наоде у подржаваню ваши, учинили бы васъ силнѣимъ него те куле, кое ваша зла чине неизлечимимъ. Да сте вы о томъ с' почетка мислили, како бы избегли саревнованъ с' вѣю ваши суседа, вашъ ново строени градъ цвѣтао бы у среѣномъ спокойству и вы бы были судѣя надъ свѣма народима одъ Хесперіе. Айде сада да почнемо рассуѣавати, како се може прошло са будуѣимъ поправити.

Вы сте мени почели казивати, да имаде у томъ пределу различни грчки населеня. Ти народи мораю быти расположены къ вашей помоѣи. Они нису заборавили ни великога имена Миносова, сына Юпитерова, ни ваши труда у обсади Трое, у коіой сте се толико пута одликовали меѣу царевима грчкимъ, за обштествену распру Грчке. Зашто се нестарате привуѣи та населеня на свою страну? Она немаю никакве наклоности мени помоѣи дати; него превелика сѣйность, кою е овай градъ добио одъ почетка свога построеня, уплашила іѣ е. Ти Грци како годъ и други народи, бое се, да неби мы каквагодъ намереня имали на нѣову слободу. Они су мислили, да ѣемо мы покривши планинске народе, терати іоштъ далѣ наше честолюбіе, еднимъ словомъ, све е противу насъ: они сами, кои неводе противу насъ явне войне, желе намъ наше понѣженъ, и саревнованъ недае намъ никаквога саюзника.

Чудне крайности! одговори Менторъ; хотеѣи показати се одвеѣъ силнимъ, вы обарате свою силу; и докъ сте изванъ землѣ предметъ страа и мржнѣи ваши суседа, вы се издрплюсте у

внутренности чрезъ усиленя, коя су нужна за одржаванъ тако-
ве войне. О злосреѣни и двогубо злосреѣни Идомене, кога в
несреѣа едва до половине могла научити! потребуєте ли юштъ
еданъ падъ, да се научите предвиѣати зла, коя угрожаваю най-
силнѣимъ царствама? пустите, да се я о томе потрудимъ, само
ми раскажите, кои су то грчки градови, што се одричу одъ ва-
шега саюза.

Поглавити в, одговори Идоменей, градъ Тарентъ; Фалантъ
га в основао има три године дана. Онъ в покупио у Лаконіи
велико число млади люди, роѣени одъ жена, кое су заборави-
ле свое мужеве одсуствуюће у войны Троянской. Када су се
мужеве повратили, ове су се жене старале како ће иѣ убла-
жити и како покрити своя преступленя. Ова многочислена
юность изроѣена изванъ брака непознаваюћи ни оца ни майке,
живила в распуштено безъ предела. Они се саединише подъ
Фалатомъ начальникомъ дрскимъ, неустрашимимъ славолюби-
вимъ, и кои знаде задобити срца нѣова своіомъ хитрошћу. Онъ
в дошао у овай край с' томъ младежи изъ Лаконіе: они су
учинили изъ Тарента стари Лацедемонъ: съ друге стране Фи-
локтетъ, кой в получио таку велику славу у обсади Троянской
довосеѣи тамо стреле Херкулеве. подизао в у томъ суседству
зидове одъ Петиліе, истина не тако силне, али мудрѣе управлене
него што в Тарентъ. Найпосле имамо овде близу градъ Мета-
понтъ, кога в мудри Несторъ основао са своимъ Пиліянцима.

Шта? одговори Менторъ, вы имате Нестора у Хеспериі,
и нисте га умели увуѣи у ваше користи! Нестора, кой васъ в
только пута видіо где се борите противу Трояна, и кои в вашъ
пріятель быо! я самъ изгубіо нѣгово пріятельство, одговори
Идоменей, съ хитрошћу ти народа, кои немаю ништа варвар-
скога, кромъ едногъ имена. Они су были вешти нѣму показа-
ти, да самъ я науміо учинити се тираномъ одъ Хесперіе. Мы
ћемо нѣму то извадити изъ главе, одговори Менторъ. Телемакъ
в нѣга видіо у Пилосу пре, него што в дошао да оснуе свое
вассленѣ и пре, него смо мы пошли путовати и тражити Ули-
са. Онъ неће быти заборавіо тога Хероя, нити нежности, кое
в онъ давао сину нѣгову Телемаку познати. Но главно в, из-
лечити га одъ нѣговога неповереня. Чрезъ сумнѣ дате вашимъ
суседима, вы сте ужегли ту войну; расипаюћи те суетне сум-
нѣ може се та война угасити. Юштъ пустите да я едно учи-
нимъ.

При овимъ речима Идомеией грлеи Ментора разнежаваше се, и немогаше говорити. Напоследакъ едва изговори ове речи: о мудри старче! кой си одъ богова послать, да поврати све мое погрешке! я признаемъ, да бы се я быо на свакога другога разлютио, кой бы ми тако слободно говорио, као вы. Я признаемъ, да нема никогъ осимъ васъ самога, кой бы ме могао приклонити, да тражимъ помирення. Я самъ се быо решио, или са свимъ да пропаднемъ, или да победимъ све мое неприятель. Право е, да веруемъ више вашимъ советима, него моіой страсти. О среѣни Телемаче, кой неможе никада овако застранити, као я, ербо имате овакога руководца. Менторе! я се на васъ осланямъ; сва мудрость богова у вама е, сама Минерва не бы могла спасителнии совета дати. Идите, обећавайте, заключавайте, дайте све, што е мое; Идомеией ће све одобрити, што вы благоразсудите учинити.

Докле они овако умствовау, на едан путь се зачу лупа смешана одъ кола, коня, и вриштаня, а люди, кои ужасну вику подизау тромпетама испуњаваюѣи воздухъ звукомъ военимъ, повикаше: ево неприятеля, кои су далеко обишли, да бы избегли пролазе тесне и чуване! ево ій иду, да обседну Салентъ. Старци и жене ужаснуге говорау: о! зашто смо мы оставили наше мило отечество, ону плодоносну Крету, и пошли за несреѣнимъ царемъ преко широки мора, да оснуемо градъ, кои ће као и Троя у пепео бити преобраѣенъ! са зидова новоподигнути виѣаше се по полю пространомъ, како се блистау на сунцу шлемови, оклопи и штитови неприятеля. Очи се одъ нѣи заслеплявау. Копля уздигнута покривау землю, као што е покривена обилномъ жетвомъ, кою Церера приуготовлява по поляма Ене у Сицилии, у време жара летня, да бы наградила делателя за све нѣгове труде. Веѣъ се примечавау кола наоружана съ оштримъ косама, и ласно се распознаваше сваки народъ пришавши у ту войну.

Менторъ се попе на високу кулу, да бы болѣ распознао, а Идомеией и Телемакъ иѣау изъ близа за нѣимъ. Попевши се на махъ узнаде с' едне стране Филоктета, а съ друге Нестора са своимъ синомъ Пизистратомъ. Несторъ се ласно разликоваше по своіой честной старости. Шта дакле! повика Менторъ, вы сте Идемее мислили, да су Филоктетъ и Несторъ само сатимъ задовольни, што вамъ помоѣи недаю, ено ій, подигли су оружіе противу васъ; и ако се неварамъ, оне остале

войске, што ступаю у онако добромъ порядку с' тихошћу, оно су войске Лакедемонске управлѣне Фалантомъ. Све е проти-ву васъ; нема ни еднога суседа овога предела, кога вы нисге учинили нехотице непријателѣмъ.

Изговоривши Менторъ ове речи, брзо сиђе с' те куле; отиде къ градскимъ вратима, којима се непријатели приближавау; онъ иѣ даде отворити, а Идоменей удивлѣнъ величеетвомъ, с' коимъ Менторъ чиняше сва ова дела, несмеде га ни упытати какво е намеренѣ нѣгово. Менторъ рукомъ знакъ даде, да не бы нико за нѣмъ помислио да изиђе: отиде предъ зачуѣене непријателѣ, видеѣи еднога самога човека, кои се нѣима представляше. Онъ имъ издалека показа гранчицу маслине за знакъ мира; и када дође до толикога растојаня, да га разумети могау, онъ иѣ замоли, да бы се све поглавице сабрале. Тай часъ сабраше се поглавари, и онъ нѣима овако поче говорити:

Благородни мужеви сабрани одъ толики народа, кои цвѣтаю у ботатой Хеспери! я знамъ, да сте вы овде дошли за обшту ползу и слободу. Я похваляемъ вашу ревность; но допустите ми, да вамъ представимъ едно лако средство, коимъ ѣете одржати слободу и славу свою ваши народа, а да не проливате крвь човечію. О Несторе! мудри Несторе! кога я видимъ у томе сабору. Вы добро знате колико е война печална за оне башъ, кои ю предузимаю с' правдомъ и подъ покровительствомъ богова! война е найвеѣе зло, коимъ богами наказую люде. Вы никада неѣете заборавити оно, што су Грци претрпили за десесъ година предъ злосреѣномъ Троіомъ. Какви раздори меѣу поглаварима! каква упорства несреѣе! колика погибель Грка одъ руке Хекторове! каква несреѣа по свимъ силнимъ градовима узрокована войномъ збогъ дугогъ одсутства нѣови царева! при повратку едни су претрпили кораблѣкрушенѣ, при предгорю Кафарейскомъ; други су нашли нечаяну смрть у наручяма свои жена. О Богови! у вашей сте ярости вы Грке наоружали к' томъ силномъ предузеѣу. О хеспериски народи! я молимъ богами, да вамъ никада неѣаду тако печалне победе: Троя е у пепелу истина, али бы болѣ за Грке было, да она іоштъ у целой нѣзиной слави стои, и да се срамни Парисъ наслаѣава безчестномъ любви са Еленомъ. Филоктетъ оно-лико дуго злосреѣанъ, и оставлѣнъ на острову Лемносу, неѣонте ли се вы, да неѣаѣете онакве несреѣе у подобной войны. Я знамъ, да су народи одъ Лаконіе осеѣали смутнѣ узроковане

чрезъ дуго отсутство царева, войвода и войника, кои су ишли противъ Трояна. О Грци! кои сте дошли у Хесперию, вы сте у ню прешли збогъ слѣдства несреће, кою е проузроковала война Троянска.

Говорећи овако, Менторъ се приближаваше к' Пиліянцима; и Несторъ, кои га упознаде, приближаваше се такођеръ, да га поздрави: о Менторе! драго ми е, да васъ опетъ видимъ. Има много година, како самъ васъ први путъ у Фоциди видіо; онда вамъ е было петнаестъ година, и я самъ одъ онда предвидіо, да ћете бити тако мудри, као што сте по томе были. Но каквимъ сте случаємъ дошли у ова места? каква су то дале средства, којима сте ради окончати ову войну? Идоменей е насъ принудіо, да на нѣга ударимо. Мы смо желили мира: свакоме е одъ насъ велика полза была желити га. Али мы већъ никако немогасмо наћи безопасности с' нѣмиме. Онъ е нарушио сва своя обећаня у призреню свои најближи суседа. Миръ с' нѣмиме небы быо миръ; миръ бы нѣму послужіо само да разстави нашъ саюзъ, кои намъ е едина помоћъ! онъ е свимъ народима показао свое гордельиво намеренѣ, привести ій у покорность, и ніе намъ оставіо никаква средства, да заштитимо нашу слободу осимъ то, да гледамо како ћемо разорити нѣгово ново царство. Чрезъ нѣгово вероломство мы смо принуђени радити или о нѣговомъ пропасти, или примити одъ нѣга ярамъ робства: ако наодите какво средство, да тако учините, да му се мы можемо поверити, и обезопасити се добримъ миромъ, сви ће народи, кое овди видите, драгавольно оставити оружіе; и мы ћемо съ радощю припознати, да вы насъ превосходите у мудрости.

Менторъ му одговори: мудри Несторе! вы знате, да е мени Улисъ поверіо свога сина Телемака: овај млади човекъ желећи дознати определенѣ свога родителя, быо е кодъ васъ у Пилосу, и вы сте га примили са свакимъ старанѣмъ, коме се е онъ могао надати одъ вернога пріятеља свога родителя; вы сте му и сами вашего сина дали, да га пропрати. Онъ е после тога предузео далека путованя по мору; быо е у Сициліи, у Египту; видіо е островъ Кипаръ, Крету; ветрови, или болѣ да речемъ богови, бацили су га у овај пределъ, башъ онда, када е хотео вратити се у Итаку. Мы смо овде дошли благовремено, да васъ заштедимо одъ ужаса кровопролитне войне. Не выше Идоменей, но синъ мудрога Улиса и я, мы вамъ

добрн стоимо за све оне ствари, кое ће вамъ се обећати. Докле Менторъ овако бесеѣаше съ Несторомъ, усредъ саюзни войска, Идоменей и Телемакъ са свима наоружанимъ Кретьянима сматрау ий съ високи стена Салентиски. Они внимателни быяу да бы усмотрили, оће ли разговори Менторови быти примлѣни, и желяу чути мудре беседе одъ ова два старца. Несторъ е свагда почитованъ быо за найискуснїя и за найречитїя одъ свою царева у Грчкой. Онъ садржаваше у умерености за време обсаде Троянске напрасити гнѣвъ Ахилевъ, гордость Агамемнона, поношенї Аяксово, и устремителну храбрость Дїомедову. Сладко убеженї течаше са нѣгови усана, као потокъ меда. Ёдини нѣговъ гласъ даваше се чути кодъ свою хероя, сви бы ѣутали, кадъ бы онъ отворио уста; и онъ еданъ могаше утишати у стану дивлю неслогу. Почео е осећати обиде зладне старости. Но нѣгове речи юштъ быяу пуне крепости и сладости: онъ преподаше прошле ствари, да бы поучавао юность своимъ искуствама; али и онъ повествоваше съ любкошѣу, и ако с' мало тихости.

Овай стараць, коме се сва Грчка диви, чиняше се, као да е изгубио све свое велеречїе и величество, одкако се указао предъ нѣмиме Менторъ. Нѣгова старость чиняше се, као увенула и жалосна покрай Менторове, у коме се године чиняу, као да су почитовале крепости и живость природе. Речи Менторове, премда важне и просте, имаѣау неку живость и силу, ков у другоме недостаяше. Све, што бы онъ говорио, быяше кратко, пресечено и крепко. Никада ништа онъ неповтораваше; никада непоказиваше друго што, развѣ нужно дело за посао, кога валяше решити. Ако бы было потребно много пута о одной истой ствари говорити, да бы ю схватио, или довео до убеженя, то онъ свагда чрезъ нова обраћаня и чувствителна сравненя чиняше. Онъ имаѣаше незнамъ нешто благопрїятно и забавно у себи, када бы се хотео сравнити к' нуждама други, и нѣма улити какове небудъ истине. Та два тако пре чѣстна човека быяу чувствително позоршते за толике сабрane народѣ.

Докле сви саюзници, неприятельи Салента, еданъ на другого наскакивау, да изъ ближе виде, или да чую нѣовъ мудри разговоръ, Идоменей и сви нѣгови усилявау се дознати чрезъ погледе жельне и спешне, што значау нѣова движеня и промсне нѣови лица.

Конаць кнѣиге десете.

ТЕЛЕМАКЪ.

КНЪИГА ЄДНАЄСТА.

Међу тимъ Телемакъ нестрпелливъ, украде се изъ мно-
жине, која га окружаваше; онъ изиђе крозъ врата, чрезъ која
и Менторъ изишао; и даде ѿ себи силомъ отворити. У еданъ
ма Идомеией мислећи, да ѿ онъ кодъ нѣга, зачуди се, када га
види трчећа у станъ, и већъ кодъ Нестора. Несторъ га упо-
знаде, и похита одма коракомъ затежућимъ и важнимъ да га
прими. Телемакъ га загрли и држаше га стиснута у своимъ
наручяма неговорећи ништа; напоследакъ повикне: оче мой! я
се небоимъ да васъ тако назовемъ, несрећа, што немогу наћи мога
правога родителя, и доброта, кою сте ми вы дали познати, даю
ми право служити се именовъ тако нежнимъ. Оче мой! драги
мой оче! я васъ опетъ видимъ! тако да бы могао опетъ видети
Улиса. Ако бы ме што нибудъ могло утешити, што самъ се
нѣга лишю, то бы было то, да у вами нађемъ другога нѣга. При
овимъ речма Несторъ се немогаше уздржати одъ суза; быяше
потайномъ радощу тронуть видећи сузе, текуће съ удивител-
номъ красотомъ низъ образе Телемакове. Доброта, любкость
и благородно уверенѣ тога младога незнанога, кои пролазаше
безъ предосторожности крозъ толике неприятельске войске,
поставише у движенѣ све саюзнике. Нѣ ли то сынъ, говорау
они, онога старца, кои ѿ дошао да се разговори съ Несторомъ?
Безъ сумнѣ: то ѿ она иста мудрость у два узраста найпро-
тивоположенія у животу: у едноме само цвета, а у другоме до-
носи найзреліе плодове.

Менторъ, кои съ радощу сматраше нежность, коіомъ Не-
сторъ примаше Телемака, ползова се тимъ срећнимъ располо-
женѣмъ. Ево, говораше онъ, сына Улисова, предрага у целой
Грчкой и тако предрага самомъ вами, премудри Несторе! Ето,
я га вама предаемъ за емца, и као найдрагоценіи залогъ, кои

се може вама дати одъ стране верности обеѣаня Идоменеви. Вы добро знате, да я нисамъ радъ, да изгублѣность сына поѣе за изгубленѣмъ родителя; и да бы могла несреѣна Пенелопа прекорети Ментора, што е жертвовао нѣзинога сына гордости новаго цара одъ Салента. Съ тимъ залогомъ, што е дошао самъ собомъ да се преда, и што га богови любители мира къ вама пошили, починѣмъ я о сабрани народи! вама предложена чинити, за постановити на свагда постоянна миръ.

При томъ имену мира, зачу се шумъ помешанъ с' реда на редъ. Сви ови различни народи шкрицеше зубма одъ лютине, и мишляу да губе свое време, за кое се закосняваше битка; они мишляу, да се ти разговори неводе зашто друго него како бы утишали гнѣвъ, и како бы учинили, да избегне нѣнова добить. Сврхъ свега Мандуріяни нестрпелливо проношау, што се Идоменей надаше обманути ий іоштъ еданъ путь. Често су започиняли прекидати у разговорю Ментора; ербо се бояу, да нѣгови разговори пуни мудрости небы окренули нѣове саюзнике; почеше веѣ сумняти о свима Грцима, кои у томъ сабравію быяу. Менторъ усмотривши то, похити да умножи ту сумню, и да бади раздоръ у душе своіо ти народа.

Я признаемъ, говораше онъ, да Мандуріяни имаю право жалити се, и искати неко удовлетворенѣ за неправду, кою су претрпили; али опетъ нѣе право, да су Грци, кои су се населили у овомъ пределу, подъ сумньомъ кодъ стари народа ове землѣ; на противъ дужни су Грци быти у слоги меѣу собомъ и друге прикланяти, да ий поштую. Треба само да буду умерени, и да непочиню отимати землѣ одъ свои суседа. Я знамъ, да е Идоменей имао несреѣу вама дати сумнѣ; но ласно се могу све ваше сумнѣ излечита. Телемакъ и я, быѣемо емци за праводушіе Идоменеево: мы ѣемо остати у вашимъ рукама донде, докле вамъ се обеѣане ствари верно не испуне. Што васъ найвише разлюѣуе Мандуріяни, повпка онъ, то е, што су Кретяни засели у тесне путове ваши планина печаянимъ нападенѣмъ, и што су тимъ начиномъ они у станю улѣзти противъ ваше волѣ, колико годъ хотели буду у землю, у кою сте се вы уклонили, а нѣима отступили землю равну, коя лежи у обрежію мора. Ти тесни путови, кое су Кретяни укрепили высокамъ кулама, и напунили наоружанимъ людма, есу прави узроци войне; одговорите ми, имали іоштъ кои други узрокъ?

Онда началникъ Мандуріяна приближи се и говораше овако: колико се нисмо мы трудили, да избегнемо ту войну! Богови су намъ сведоци, да се нисмо одрицали мира, него кадъ намъ е миръ убегао изъ руку безъ помоћи збогъ немирне гордости Кретяна и збогъ немогућности, у кою су насъ привели, да се већъ нѣовимъ клетвама нисмо могли више поверовати. Народъ несмислени! кои насъ е противъ наше волѣ принудіо до ужасне новолѣ, да узмемо средство очаяня противъ нѣга, и да неможемо другче наћи свога спасеня осимъ у пропасти нѣгой. Докле годъ они задржаваю оне путове, мы ћемо свагда мислити, да су они намерени нама отети наше землѣ, и насъ привести у робство! Да е то истина, да су они управъ ради живити у миру са своимъ суседима, они бы были задовольни съ онимъ, што смо имъ драговољно уступили, и небы се старали задржати приступе у нашу землю, нити бы имали за нашу слободу гордельива намереня. Али вы нѣи непознаете мудри старче! великимъ несрећама научили смо мы нѣи познавати. Преставите муже люблѣни одъ богова закоснявати войну справедливу и нужну, безъ кое Хесперія неможе се никада надати постояноме миру. О неблагодарни народе! лажни я свирепи, кога су богови разярени послали къ нама, да смућавашъ наше спокойство, и да насъ накажешъ за наше греове! Но наказавши насъ, о богови, вы ћете се осветити; вы нећете бити манъ справедливи противу наши непріятеля, колико противу насъ.

При овимъ речма цело се сабраніе узбуни: чиняше се, да Марсъ и Белоиа иѣау еъ реда къ реду поджижући у срцама ярость битке, кою Менторъ стараше се угасити. И овако поче говорити.

Ако вамъ само станемъ обећавати, онда можете, да ми неверуєте; но я вама ствари известне и саданѣ предлагемъ. Ако нисте задовольни да имате емца Телемака и мене, я ћу учинити да вамъ се да дванаестъ одъ најблагородниѣ и најхрабриѣ Кретяна. Него е право, да и вы съ ваше стране даѣте емце; врбо Идоменей, кои срдечно жели мира, жели га безъ страа и безъ пузеня. Онъ е радъ миру, како годъ што и вы казуѣте, да сте га ради имати, мудрошћу и умереношћу, а не изъ любви живота мека, или одъ слабости при смотреню опасности, коима война угрожава людима. Онъ е готовъ умрети или победити. Но онъ воли миръ него најславнию победу. Онъ бы се стидіо, бояти се, ако бы было побећенъ: али се бои бити

неправеданъ. Съ оружїемъ у рукама онъ вамъ дае миръ: онъ вамъ у томъ ненамеће съ гордошћу условїа, зашто онъ не уважава усиленїи миръ. Онъ жели таквога мира, коимъ бы све стране задовольне было, и кои ће окончати сва саревнованя, утишати све злобе, и излечити га одъ свїю сумњи. Едномъ речю, Идоменей в у таковимъ чувствованяма, башъ у каковимъ бы и вы ради были, да бы онъ былъ. Разговоръ в сада само, да се вы о томъ уверите: убеженъ неће бити тешко, ако ме послушате духомъ слободнимъ и спокойнимъ. Чуй дакле о народе! испунѣни храброшћу; и вы начальници тако мудри и тако сагласни! послушайте ово, што я вама подносимъ одъ стране Идоменеєве. Нїе право, да онъ може нападати на земль свои суседа, али нїе право, да нѣгови суседи могу улазити у нѣгове. Онъ пристае на то, да се тесни пролази, укрепленїи високимъ кулама, чуваю войскама нейтралнимъ. Вы Несторе, и вы Филоктете! вы сте роѣни Грци, него сте се у овой прилики подigli противу Идоменея, тако о вами не можемо се сумняти, да се трудите за собствене свое користи, вама в стало за общомъ користи мира и слободе Хесперїе; вы сами будите хранительи и надзирательи ти путова, кои проузрокую ову войну. И васъ се много тиче, да не дате старимъ народима одъ Хесперїе, да разоре Салентъ, ново населенъ Грка подобно вашимъ, коя сте основали, толико и да не дате да Идоменей отима земль одъ свои суседа. Одржавайте равновѣсїе између едни и други. Место што бы уносили оганъ и мачъ посреди народа, кога сте вы дужни любити, то славите се да будете посредственици и судїе. Вы ћете ми рећи, да бы та условїа морала бити чудесна, кадъ бы се могли уверити, да ће їй Идоменей праводушно испунити, но я ћу вамъ удовлетворити.

За обострану безопасть даћеду се емци, о коима самъ я говорю, донде, докъ се не предаду они путови у ваше руке; кадъ спасенъ целе Хесперїе и Салента на исти начинъ буде у вашемъ произволеню, оћете ли бити задовольни? На кога ћете се сумняти одъ сада, да ли противу сами себе? вы се несмете да поверите Идоменею; а Идоменей толико в неспособанъ да васъ обмане, да в радъ вами поверити се. Да, онъ вами оће да повери спокойство, животь, слободу целога свога народа и самога себе. Ако в истина, да вы тражите добаръ миръ, ево га, гди вамъ се представля, и кой вамъ одузима сваки изговоръ да одступите одъ нѣга. Юштъ еданпутъ, не мойте мислити, да

вамъ Идомей одъ страа чини та подношеня; мудрость и правда прикланяю га да избере ту часть неплашеѣи се тога, што ѣете му вы приписати, да чини одъ слабости оно, што чини изъ добродетельн. У почетку е чиніо погрешке, у признаваню кои онъ полаже свою славу чрезъ подношеня, коима васъ предупредѣва. Слабость е, суета е, незнаѣ е грубо свое собствене користи, желити моѣи да се скрїю свое собствене погрешке усиляваюѣи се подржати іѣ съ гордошћу и високоуміемъ. Кой предъ своимъ непрїателѣмъ признае свое погрешке, и кой е радъ поправити се, показуе са тимъ, да е постао неспособанъ учинити іѣ, и да се непрїателъ има свега бояти одъ поведеня тако мудра и постоянна, ако неучини миръ. Чувайте се добро, да вы са ваше стране неучините несправду, ако се одречете мира и правде, коя долазе къ вама: миръ и правда осветїе се. Идомей, кой е дужанъ бсѣти се, да ненаѣе богове разсрѣне противу себе, окренуѣе іѣ противу васъ. Телемакъ и я, мы ѣемо се борити съ праведне стране; я призвамъ богове неба и ада за сведоке праведни предложеня, коя самъ вамъ учиню.

Докончавши ове речи Менторъ подїже свою руку да бы показао свима народима гранциу маслине, кою у руци држаше за знакъ мира. Началници, кой га изъ близа сматрау, быяу зачуѣени и заслеплѣни светимъ огнѣмъ, кой се у нѣговимъ очима светляше. Онъ се показиваше съ величествомъ и силомъ, коя превосходи све оно, што се види кодъ найвеѣи люди. Чаръ нѣгови сладки и силни речи усхити сва ерца: оне быяу подобне божественимъ речима, кое на еданъ путь у глубини тутаня ноѣногъ задржаваю посреде Олимпа месецъ и звезде, утишаваю разярено море, чине, да се примириваю ветрови и буре, и уставляю токъ брзи река.

Менторъ стаяше усреде ти разярени народа, као Бакусъ, када е окруженъ быо тиграма, кои заборавау на свою сррепость, прихоѣау силомъ нѣговога сладкога гласа да му лижу ноге, и покуравау се нѣму своимъ умилѣностима. Съ почетка быяше дубоко ѣутанѣ у целой войсци, поглавари огледау се другъ на друга немогуѣи противстати овоме човеку, нити дознати, ко е онъ. Све войске недвижме гледау у нѣга. Несмеѣау говорити, боѣи се, да нема іоштъ што да изговори, и да га незаглуше. Премда ништа ненаоѣау придодати къ стварима, кое онъ изрекао быяше, али желяу, да бы іоштъ много говорю. Све, што е изрекао, быяше као урезано у сва ерца. Говореѣи чиня-

ше да га любе и верую му, сваки быяше желанъ, и као уставлѣнъ да бы сабрао найманъ речи, кое исхођау изъ нѣгови уста. Напоследку, после доста дугога ѣутаня зачу се неразбрана вика, коя се мало помало распростре. То већъ небыяше она помешана вика народа, кои одъ ярости дрктау: то напротивъ быяше пріятни и благосклони шумъ. Већъ се откриваше на лицама незнамъ нешто весело и улажено. Мандуріяни толико разярени чувцовау, како имъ нѣова оружія изъ руку испадау. Зверски Фалантъ са своимъ Лакедомонцима зачуди се, кадъ му се нѣгова внутреность улажи. Остали почеше уздисати за тимъ срећнимъ миромъ, кой се нѣима показиваше. Филохтетъ искусствомъ свои злосрећа чувствителни, него други, немогаше се уздржати одъ суза. Несторъ немогаше говорити одъ устрга, у кой га е беседа Менторова поставила, и нежно га зигрли: и сви народи на еданъ путь, као да е было знакъ датъ, повикаше: мудри старче вы насъ обезоружавате! миръ! миръ! Несторъ после магновеня ока хотяше опетъ започети разговоръ; но све войске нестрпельиве бояу се, да нехотяше онъ представити какву препону: миръ! миръ! повикаше іоштъ еданъ путь. Нико ій немогаше натерати къ ѣутаню, и сви поглавари одъ воинства повикаше: миръ! миръ!

Несторъ видећи већъ, да небыяше слободанъ далъ говорити, задовољн се да ово изговори: вы видите Менторе шта може слово добродетельна мужа учинити. Када мудрость и добродетель говоре, оне утишаваю све страсти. Нашъ праведанъ гнѣвъ променяе се у пріятельство, и у желю постоянна мира. Мы га тако примамо, каквога намъ вы дасте. У то време сви поглавари дадоше руку за знакъ задовольности.

Менторъ похити къ вратима одъ Салента, да ій даде отворити, и да яви Идоменею, да изађе изъ града безъ предосторожности. Међу тимъ Несторъ грляше Телемака говорећи: любими сине наймудрѣга одъ свію Грка! да бы и вы могли быти овако мударъ, но срећни одъ нѣга. Нисте ли што дознали о нѣговомъ определеню? успомена вашего родителя, коме сте подобанъ, послужила е къ угашеню наше ярости.

Фалантъ, пакъ камена и зверска сердца, Улиса никадъ ни видіо ніе и самъ чувствителанъ быяше о злосрећама нѣговимъ и нѣговогога сина. Већъ принуђавау Телемака, да прича своя приключеня, кадъ се Менторъ съ Идоменсомъ и целомъ младежи Кретскомъ, коя за нѣима иђаше, показа.

При усмотреню Идоменеа союзници осеѣау, да се нѣовѣ гнѣвъ опетѣ запальваше; но речи Менторове угасише тай огань кой готовѣ быаше да букне. Што закоснявамо заключити тай крепки саюзѣ, кога ѣду богови быти сведоци и заштитници? они нека га освете, ако какавѣ безбожни усуди се нарушити га; и нека сва ужасна зла войне, место што бы угнѣтила народе верне и невине, падну на главу скверну и вероломну онога високоумника, кой ѣе погазити света права овога саюза; проклетѣ да в предѣ боговима и предѣ людима: да никада неужива плода одѣ свога издѣйства, Фуріе паклене подѣ видомѣ найскареднѣимѣ да раздраже у нѣму гнѣвъ и очаянѣ, да падне мртавѣ безѣ сваке надежде погребеня: тело нѣгово да буде храна зверова и ястребова; да буде у паклу у дубокой бездни адской мученѣ на свагда, горе него Танталѣ, Иксионѣ и Данайдѣ. Овай мирѣ нека буде непоколебимѣ, као што су стене Атласа, кой подржава небо; сви народи да га почитую и уживаю нѣгове плоде одѣ рода на родѣ; имена они, кои га буду примили, да се съ любви и почитанѣмѣ споминю кодѣ нашего найпозднѣга потомства; да буде тай мирѣ основанѣ на правди и праводушію, примеромѣ за све мирове, кои се буду заключавали кодѣ свою народа на земљи. И сви народи, кои захтели буду учинити се среѣннма сѣднѣяваюѣи се у слогу, да помисле подражавати народима одѣ Хесперіе!

При овимѣ речма Идоменей и остали цареви заклеше се на мирѣ по назначенимѣ условіама, и съ вдне и съ друге стране дадоше се вѣмци. Телемакѣ захтеваше да буде у числу дани вѣмаца Идоменееви; али немогоше се сагласити, да и Менторѣ буде у числу, ербо саюзници захтевау, да онѣ остане при Идоменею, да стои добарѣ за нѣгово и нѣгови саветника поведенѣ до окончаного изслѣдованя ствари обеѣани. Дадоше на жертву сто крава бели, као снегѣ, и толико юнаца одѣ истога цвета, коима рогови быау позлаѣени и украшени венцима; разнесе се по суседнимѣ планинама ужасна рика животиня, коя падау подѣ светимѣ ножемѣ, и димѣћа се крвѣ потече са свою страна. Вино одабрано ливаше се съ изобилѣмѣ, жреци испытывау внутреня, коя се јоштѣ жива мицау. Жертвуюѣи сажигау на жертвеницима каденя, коя саставляу густы облакѣ, кога благи мирисѣ испуни мирисомѣ све полѣ.

Меѣу тимѣ войници одѣ обе стране престаюѣи гледати се окомѣ неприятельскимѣ почеше разговарати се о своима при-

ключеняма. Веѣтъ одпочивау одъ нѣгови труда, и напредъ іоштѣ наслаѣвау се сладостима мира. Многи, кои су были у обсади Троянской, познадоше Несторовце, кои су се борили у истой войны. Веѣтъ се почеше грлити съ нежношћу, и еданъ другоме узаймно приповедати све, што имъ се случило быяше одъ онога времена, одъ како су разорили горди градъ Трою, коя е была украшенъ целе Азіе; сви веѣтъ лежау на трави, китише се цвѣтемъ, и у друштву пише вино, кое доношау изъ града у великимъ сасудима, да бы прославили тай среѣни данъ.

На еданъ ма рече Менторъ царевима и войводама сабранима: у будуће подъ различнымъ именима и различнымъ начальницама вы ѣете быти еданъ народъ. Таквимъ образомъ праведни богови, любители люди, ради су да буде свеза вечна нѣвога савршенога сагласія. Цели е родъ човечески една фамилія на лицу земномъ; сви су народи браѣа, и дужни су се као такови любити. Тешко онима безаконима, кои траже славу немилосрдну у крви свов браѣе, коя е нѣова собствена крвь!

Война е по гдикой путъ нужна, то е истина, али е срамота роду човеческомъ, да она у некимъ случаима быва неизбежна. О цареви! нимало неговорите, да войну треба желити, за добіянъ славе! права се слава никада изванъ човечества не наоди. Кой годъ предпочитуе свою собствену славу чувствованяма човечества, онай е страшилиште гордости, а нѣе човекъ; онъ ѣе доѣи, али къ лажливой слави; ербо права слава наоди се само у умерености и у добротѣ. Могу му люди ласкати, да бы задовольили нѣгову луду суѣту; али ѣе се о нѣму у потайности искрено говорити: онъ е толико заслужіо славу, колико ю е зактевао страшћу неправедномъ; люди га нису дужни уважавати, кадъ е онъ люде тако мало уважавао, и кадъ е нѣову крвь проливао скотскомъ суѣтомъ. Среѣанъ е царъ, кой любви свой народъ, и кой е одъ народа люблѣнъ. Кой, се поверава своимъ суседима, и кой е кодъ нѣи у повереню. Кой, место што бы нѣима причинявао войну, недопушта имъ, да е меѣу собомъ воде; и кой чини, да сви страни народи завиде среѣни нѣгови подани, што га имаю за цара.

Старайте се дакле, како ѣете се одъ времена до времена скупляти, вы, кои заповедате силнимъ градовима одъ Хесперіе: чините сваке треѣе године главни саборъ, у коме сви цареви нека присуствую, кои се овде наоде, да бы обновили саюзъ чрезъ нову заклетву, да бы обеѣано пріятельство

утврдили, и да се саветую сврху свію обшти полза. Докле годъ сагласни будете, вы ћете у внутрености ове лепе землѣ имати миръ, славу и изобилѣ, а изванъ землѣ вы ћете бити свагда непобедими. Само єдино несагласіє произишавше изъ пакла, да мучи безумне люде, може узмутити срећу, кою вамъ богови приуготовляваю.

Несторъ му одговори: вы видите с' лакошћу, коіомъ мы учинисмо миръ, колико смо удалѣни одъ намереня водити войну за суєтну славу или за неправедну желю увеличати се на шкodu наши суседа. Но шта можемо чинити, кадъ се наодимо при владетелю насилноме, кои непознає другога закона, осимъ свое собствене користи, и кои негуби никакове прилике отимати землѣ свои суседа? Немислите, да я говоримъ за Идоме-неа; не, я не имамъ више о нѣму такове мисли; одъ Адраста цара Доніянскога имамо се свега бояти. Онъ презире богове, и мисли, да су сви люди, кои су на земљи, рођени, да служе своимъ робствомъ нѣговој слави. Онъ неће подане да има, конма да є царъ и отаць: онъ оће робове и лаекателѣ. Онъ дав себи чинити почести до обожаваня. До данасъ є слепа срећа помагала нѣгова најнеправеднія предузећа. Мы смо похитали ударити на Салентъ, да бы се избавили слабѣга одъ наши непріятеля, кои се почео подизати у овомъ пределу: а после да обратимо наше оружїє првтиву тога силнѣга непріятеля. Онъ є већъ многе градове одъ наши саюзника отео. Кротоніани су противу нѣга изгубили две битке. Онъ употребљава свакояка средства, како ће удовлетворити своіой гордости; крепость и хитрость све є нѣму равно, само да обори свое противнике. Онъ є сабрао велика сокровишта; нѣгове су войводе искусне, и добро га служе. Онъ самъ собомъ настои не престано надъ свима онима, кои действую по нѣговимъ заповестима. Онъ найманѣ погрешке строжайше наказує, а услуге, коє му се учине, штедро награђує: нѣгова храбрость подржава и одушевљава све нѣгове войнике. То бы быо савршени царъ, да правда и праводушія іоштъ управляю нѣговимъ поведенѣмъ; али се онъ не бои ни богова, ни ти прекора савести. Честно име ни зашто не почитує: онъ га сматра као суєтно привиђенѣ, коє придржава само слабе духове, за добро постанано и стварно онъ почитує само притяжанѣ велики богатева, бити страшнимъ, и газити подъ ноге родъ човечески. Скоро ће се нѣгове войске показати на нашимъ земляма; ако сасди-

ненъ толики народа непостави насъ у станъ противстати нѣму, све ћемо се надежде наше слободѣ лишити. Полза в Идоме-нева тако исто, као што в и ваша противити се томе суседу, кои никога у своме суседству неможе да трпи у слободи. Ако будемо мы побеђени, иста несрећа угрозиће Саленту. Похитимо дакле, да га сви сагласно предупредамо.

Докъ Несторъ овако говораше, приближавау се к' граду, ербо Идоменей замолио быаше све цареве и све поглаваре, да дођу у градъ, и ту да преноће.

Конацъ кнѣге еданаесте.

Т Е Л Е М А К Ъ.

КНЪИГА ДВАНАЕСТА.

Цело воинство саюзника разапиняше всѣхъ своихъ шатровъ, и полъ быше покривено богатимъ завесама свакояки боя, подъ коима утруђени Хесперіяни одпочивау. Кадъ цареви са своимъ друштомъ улѣзоше у градъ, зачудише се, да се за тако кратко време могло начинити толико величествени зданія, и да сметня те велике войне нѣ ни мало сметала овоме новоустроенномъ граду да порастити, и да се украсити на скоро.

Чуђау се мудрости и неуморимости Идоменеѣвой, кои в основао тако лепо царство; и сваки заключаваше, да при учинѣномъ с' нѣмиме миру, саюзницы могу бити много силни, кадъ бы и онъ ступио у саюзъ нѣговъ противъ Доніяна. Представиле Идоменею, да у то пристане: онъ немогаше одбацити тако справедливо предложенѣ, и обећа войску.

Но како Менторъ све знаѣаше, што в потребно за учинити да цвѣта едно царство, то нѣму быше известно, да силе Идоменеѣве немогу бити тако велике, као што се чиняу; онъ га зовне на страну, и овако му стаде говорити:

Вы видите, да наше старанѣ за васъ нѣ было бесполезно. Салентъ в сохранѣнѣ одъ несреће, коя му угрожаваше, сада іоштъ до васъ стоити, да подигнете нѣгову славу до небеса; и да раванъ постанете у мудрости с' Миносомъ вашимъ прадедомъ у управляню ваши народа: и я непрестаѣмъ говорити вамъ слободно предлажући, да вы то желите, и да вы мрзите на свако ласкательство. Докъ бы ови цареви похваљивали ваше величество, я самъ у себи мисля на безрасудность вашего поведѣня.

При овой речи безрасудность Идоменей промену се у лицу, очи му се узмутише, зарумени се, и мало што непрекиде Ментора у речи, да бы му показао своихъ негодованѣ. Менторъ му

рече гласомъ умеренимъ и поштующимъ, но слободнимъ и дрзновенимъ : ова речъ безрасудность васъ вреѣа, я добро видимъ: сваки други осимъ мене погрешю бы, кой бы се нъоме послужио ; ербо царева валя почитовати, и штедити нъову нежность башъ и када се укораваю. Истина веѣъ сама у себи вреѣа и довольно, непридодаваюѣи к' нъойзи никакове сурове речи ; али самъ я мислю, да вы можете трпити, да вамъ говоримъ безъ ублаженя. да бы вамъ показао вашу погрешку. Мое е намеренѣ было васъ привикнути, да чуете називе ствари по нъовомъ имену ; и да знате, кадъ вамъ други буду давали савете, да вамъ неѣе све изказати, што мисле. Нужно е, ако нисте ради быти преварени, да вы свагда више разумевате, него што ѣе вамъ они говорити о стварима, кое вамъ неѣе быти одъ ползе. Што се мене тиче, я ѣу драговольно ублажити мое речы по вашей потреби ; него е за васъ полза да вамъ когодъ, кои е безъ користолюбя а и лажности, говори у потайности езикомъ суровимъ. Нико други неѣе се усудити да вамъ тако говори. Вы ѣете видети истину, али до половине, и подъ лепимъ покриваломъ.

При овимъ речма Идомей повративши се веѣъ одъ свое прве наглости, застиди се за свою чувствительность. Вы видите, говораше онъ к' Ментору, шта чини привика быти ласкающимъ. Я самъ дужанъ вама благодарити за спасенѣ мога новогъ царства ; нема ни едне истине, кою небы имао среѣу чути изъ ваши уста : но имайте сажаленя о цару, кога е ласкательство отровало, и кои нѣе могао ни у самимъ своимъ несреѣама наѣи люди доста великодушни, кои бы му казали истину. Не, я нисамъ никога наодио, кои бы ме толико любю, и хотео неугодити ми говореѣи са свимъ целу истину.

Изрекши ове речи сузе му потекоше изъ очю, и онъ нежно загри Ментора. Онда му овай мудри стараць рече : я са больомъ видимъ да самъ принуѣенъ вами говорити речи сурове ; могу ли я васъ изневерити откриваюѣи предъ вами истину ? поставите себе на мое место ; ако сте до данасъ бывали преварени, то е зато, што сте хотели то быти, што сте се бояли одъ советника искрени. Есте ли тражили люде найкористолюбивѣе, кои су найспособни да вамъ противослове ? есте ли се старали о томъ, како ѣете учинити, да говоре люди, кои нису ни найманѣ морали вама угаѣати, люди найнекористолюбивѣи у своме поведеню, и кои су найспособни да осуѣаваю ваше

страсти и неправедна осеѣаня? Кадъ сте наодили ласкатель, есте л' ий удалявали одъ себе? Не, не, вы нисте чинили оно, што чине они, кои любе истину, и кои заслужую да е познаю. Да видимо оѣете ли имати сада мужества покорити се предъ истиномъ, коя васъ осуѣава.

Я дакле реко, да оно, што вамъ толику похвалу привлачи, заслужуе похуду. Докъ сте на полю имали толике непріятелъ, кои су угрожавали вашему новомъ царству іоштъ добро неоснованомъ, у внутрености вашего новаго града вы сте се само старали да подижете величествена зданія, кое васъ е стало толико зли ноѣи, као што сте ми и сами казивали. Исцрпили сте ваша сокровишта, нити сте се старали, да умножите свой народъ, нити да обделате плодоносну землю овога предела. Ние ли потребно было сматрати те две ствари, као два вѣществена основа вашего могуѣства: имати много добри люди и обраѣени земаля, да бы ий препитавали? Потребанъ е быо дуги миръ у тимъ почетцима, да бы помагали умноженю вашего народа. Вы сте дужни были старати се о землѣделію, и о постановленю наймудриі закона. Суѣтна гордость терала васъ е до накрай пропасти. Усиляваюѣи се показати се великимъ, наумили сте были оборити вашу праву величину. Похитите исправити те погрешке, уставите све те велике намере, одбаците ту худость, коя бы разорила вашъ нови градъ. Пустите, да ваши народи одану душомъ у миру, прилѣжавайте поставити ий у изобилю за облакшати имъ браке. Знайте, да сте само толико царъ, колико имате народомъ да управляте, и да е ваше могуѣство дужно мерити се не по обширности земаля, кое ѣете вы себи покорити, ного по числу люди, кои ѣеду обитавати на тимъ земляма и кои ѣеду вамъ быти привржени и покорни, Притяжавайте землю, и ако среднѣ обширности, али ю напуните безбройнимъ народомъ, раденимъ и обученимъ; чините, да васъ тай народъ любви, вы ѣете быти силниі, среѣниі и испуѣвниі славомъ, него они завладачи, кои опустошаваю народе.

Шта да чинимъ дакле спрамъ ови царева? упита Идомей; дал' да признамъ предъ нѣима мою слабость? истина е, да самъ я пренебрегао землѣделіе, а и саму трговину, коя е тако удобна на овоме пределу. Я самъ се старао само, како ѣу начинити величествени градъ. Оѣе ли быти нужно драги Менторе! осрамотити се предъ саборомъ толики царева и показати мое безуміе? ако е то потребно, я ѣу чинити. Я ѣу

то учинити безъ закасненя, што ме годъ стало; ербо сте ме вы научили, да прави царъ, кои в роженъ за свое народе, и кои в савъ нѣма дужанъ, предпочитовати мора спасенъ свога царства своие собственое почитаню.

То чувствованъ достойно в отца народа, одговори Менторъ; я по той доброты а не по лудой величествености вашего града упознаемъ у вами ерце правога цара. Али в нужно штедити вашу честь заради користи вашего царства. Пустите мене да радимъ; я ѣу дати знати овимъ царевима, да сте вы обвезани наместити Улиса, ако буде юшть живъ, или баремъ нѣговога сина у власть царску у Итаки, и да сте ради оданде силомъ прогнати любавнике Пенелопине. Они ѣеду ласно разумети, да та война зактева войске многобройне, тако ѣеду се сагласити да приме одъ васъ с' почетка и малу помошь противу Доніана.

При овимъ речма Идоменею се учини, као човеку, коме се подъ тешкимъ теретомъ подпора даде. Вы спасавате честь мою, драги пріятелю, и поштенъ овогъ новоустроенногъ града, кою ѣете вы исцрплѣность претаяти предъ моимъ суседима. Но какавъ в то изговоръ казати, да самъ я намеранъ послати войске у Итаку, како бы я утврдю тамо Улиса или по крайной мери Телемака сина нѣгова, кадъ и самъ Телемакъ мора поѣти у войну противу Доніана.

Нестарайте се вы, одговори Менторъ, я ништа осимъ истине неѣу да говоримъ: лаѣе, ков ѣете вы послати заради постановленя трговине ваше, иѣи ѣеду покрай Епира; они ѣе чинити у едно време два посла: еданъ да позиваю трговце стране на вашу страну, ков велики данци удаляваю одъ Салента; а други да распытую вести о Улису. Ако в онъ юшть у животу, то немора быти далеко одъ ти мора, коя разделяю Грчку одъ Италиѣ, и увераваю люди, да су га видели кодъ Феаціана. Када башъ веѣъ небы имали выше надежде видны га, ваше ѣеду лаѣе показати отличну послугу нѣговомъ сину; испуни ѣеду сву Итаку и обличнѣ землѣ страомъ имена младога Телемака, за кога мисле, да в погинуо, као и за родителя: любавници Пенелопини быѣеду зачуѣени, кадъ сазнаду, да в онъ готовъ вратити се помошу едного силногъ саюзника. Итацианци неѣеду се усудити да збаце ярамъ. Пенелопа быѣе утешена, и неѣе никако хотети узети новога мужа. Тако ѣете вы

служити Телемаку, докле онъ буде на вашемъ месту са союзницима овога предела Италије противъ Доніяна.

При овимъ речма Идомеией повикне : блаженъ е онай царъ, кога помажу мудри савети ! пріятель мударъ и веранъ више валя едноме цару, него войске победоносне. Но е сугубо срећанъ онай царъ, кои познае свою срећу, и кои се ньоме уме пвлзовати добримъ употребленѣмъ мудри савета. Србо често бива, да цареви люде мудре и добродетельне одбіаю одъ свога повереня, одъ кои добродетельи боє се, да бы подвели ухо ласкательима, кои се издайства нимало неплаше. Я самъ самъ пао у такву погрешку, и я љу вама испричати све несреће, коє су ми узроковане лажљивимъ пріятельима, кои ласкаше мов страсти у надежди, да љу и я с' мов стране ласкати ньиовима.

Менторъ ласно увери цареве саюзне, да е Идомеией дужанъ обременити се делима Телемака, кои ће међу тимъ с' ньима заедно поћи : они се задовољше да имаю у своме воинству младота сина Улисова са стотиномъ млади Кретьана, коє му даде Идомеией, да узъ нѣга пођу. То е быо цвєть младота благородства, коє е овай царъ изъ Крете извео. Менторъ му саветоваше, да ій пошалъ у ту войну : нужно е, веляше онъ, старати се у време мира за умноженѣ народа ; али валя притомъ бояти се, да се небы савъ народъ разнежіо, и пао у невнанѣ войне ; нужно е пошиляти у туђе войне млада благородство. Они љеду довольно моћи садржавати вашъ народъ у ревнованю к' слави, у любви к' оружию, у презреню мука и саме смрти ; напоследакъ у искуству воєни вештина.

Саюзни цареви пођоше изъ Салента задовољни сѣ Идомеией, и усхићени мудрошћу Менторовомъ. Быау испунѣни радошћу зато, што са собомъ поведоше Телемака. Овай немогаше умерити свое жалости, када се валяше растати одъ свога пріятеля. Докле се саюзни цареви опраштау и клеше Идомеией, да ће хранити с' ньиме вечни союзъ, Менторъ крепко држаше Телемака у своими наручіяма, и осећаше да е орошенъ нѣговимъ сузама. Я неосећамъ, говораше Телемакъ, радость, што љу ићи да придобіємъ славу ; я само осећамъ жалость нашега растанка. Чини ми се да іоштъ видимъ оно несрећно време, када су ме Египтяни изтртнули изъ ваши наручія, и удалъили ме одъ васъ неоставляюћи ми никакве надежде да васъ опетъ видимъ.

Менторъ одговори на те речи с' любкошћу да бы га утешіо! ово е, рече онъ, растаянѣ са свимъ различито; добродетельно е, быће кратко! вы идете да тражите победу. Нужно е сине мой, да ме милуєте с' любавлю манѣ нежномъ и мужественомъ. Привикавайте се моме отсутству: вы мене нећете свагда при себи имати: мудрость и добродетель више, него присутствие Ментора, нека вамъ уливаю оно, што е потребно чинити.

Говорећи ове речи богиня, подъ образомъ Ментора сакривена, покриваше Телемака своимъ штитомъ: она просипаше по нѣговой внутрености духа мудрости и предвиђеня, неустрашиму храбрость и любку умереность, коє се тако редко заедно наоде.

Пођите говораше Менторъ у средъ найвећи опасности свагда, колико нужно буде, да тамо пођете. Владетель се безчести више избегаваюћи опасности у биткама, него неидући никада у войну. Неваля, да мужество онога, кой управля другима, буде сумнительно. Ако е едномъ народу нужно одржати свога поглавара или свога цара, іоштъ му е нужніє невидити га у сумнительной чести што се тиче храбрости. Знайте, да онай, кой заповеда, мора бити образъ другима; нѣговъ примеръ, мора одушевлявати цело воинство. Неплашите се дакле ни одъ какве опасности Телемаче! и болѣ е, да умрете у биткама, него да дате людма сумняти о вашей храбрости. Ласкательи, кои ћеду се више усилявати сметати вамъ, уходяти у опасности у приликама нужнимъ, быће први, кои ће у тайности говорити, да у васъ нема срца, ако васъ само узмогу задржати у тимъ приликама.

Но нетражите опасности безъ ползе. Храбрость неможе бити добродетель, ако nebude управляна разумомъ; иначе е во лудо презиранѣ живота и жаръ скотова; храбрость нагла ништа нема безопасногъ. Онай, кои у опасности нів при себи, зове се више необузданъ, него храбаръ. Нѣму е потребно изванъ себе да буде за поставити се изванъ етраа. Ербо га онъ неможе преодолети наравнимъ положенѣмъ свога срца. У томъ станію, ако небежи, по крайньої мери онъ се забунює, губи слободу духа, коя бы му потребна была за издаванѣ добри заповести, ползовати се случайма за уништоженѣ неприятеля, и послужити своме отечесльу. Може у таковомъ имати цели жаръ войника, али нема разсмотреня еднога войводе. Іоштъ башъ нема ни мужества најпростієгъ войника, ербо войникъ дужанъ е у биткама задржати присутствие духа, и вужну умереность

къ повинованю. Ко иде слепо, забунюе поредакъ науке воене, подае примеръ нерасудности, и често уводи читаве войске у велике несреће. Ко предпочитуе свое суетно честолюбіе безопасности обштой, заслужуе наказания, а не награде.

Добро се дакле чувайте любезни сыне! да нетражите славу съ нестрпленѣмъ. Право средство наѣи ю, естъ не пропуштати добру прилику. Добродетель се чини сатимъ више почитована, што се показуе простія, благообразнія, противнія свакомъ високоумію. Колико већа потребность бива подлагати се опасностяма, то су потребнія нова пособія одъ предвиђеня и мужества, коя све већа биваю. У осталомъ знайте и то, да ничіе зависти на себе навлачити не треба; небудите завидливъ о успеху други. Свакога похваляйте, кои похвалу заслужуе; но похваляйте съ расудношћу, говорећи добро съ пріятношћу; сакривайте зло, и съ больомъ мислите о нѣму. Нерасполажите нимало предъ старіимъ войводама, кои имаю цело ускуство, кое вы неможете имати; слушайте нѣи са снисхођенѣмъ, молите оне, кои су найвештіи, да васъ науче, и нестидите се приписати нѣиовимъ наставленьма све, што годъ најболѣ учините. Напоследакъ, не слушайте никада разговоре, чрезъ кое ѣду захотети подбунити у вами подозренѣ или ваше саренованѣ противу поглавара. Говорите къ нѣима съ поверенѣмъ и съ простодушіемъ. Ако помислите, да су се они заборавили у прізнреню къ вама, отрките имъ ваше срце, истолкуйте имъ све ваше мисли. Ако они буду способни да осете благородство тога певеденя, вы ѣете нѣи очарати и одъ нѣи получити све оно, што сте имали узрокъ одъ нѣи очекивати; ако напротивъ они небуду довольно умни, да ступе у ваше осеѣане, вы ѣете самъ собомъ дознати оно, што ѣете имати неправедно одъ нѣи трптити. Вы ѣете се приправити, да донде себе неупуштате ни ушто, докъ се война несврши, и неѣете себи имати ништа преговарати. Али осимъ свега неказуйте онимъ ласкательима, кои сею раздоръ, узрокъ теготе, кою мислите, да имате протѣву поглавара войске, у којой ѣете се наодити.

Я ѣу овде пребивати, рече Менторъ, да помажемъ Идомеію у потреби, у којой се онъ наоди, а та в: да се трудимъ о среѣи нѣгова народа, да му dokonчамъ мое савете, да исправимъ нѣгове погрешке, на кое су га зли савети и ласкательи наговорили, да іѣ учинимъ у постановленю нѣговогъ новогъ царства.

Онда се неможе Телемакъ уздржати, да непокаже предъ Менторомъ неко удивленѣ, и као неко презренѣ к' поведеню Идоменеєву; али га зато Менторъ укори гласомъ строгимъ. Чудители се вы, рече му, зато, што су найпоштении люди іоштъ люди, и што показую іоштъ неки остатакъ слабости човечіи међу безбройнимъ замкама и прецонама неодлучнимъ одъ царованя? истина є, да є Идоменей быо воспитаванъ у мислима гордости и високоумія, но кои бы се любомудраць могао одбранити одъ ласкателства, да є быо на нѣговомъ месту. Истина є то, да се онъ дао предваривати одъ они, кои су имали нѣгово поверенѣ. Но наймудрии цареви бываю преварени, и ако употребляваю свака предохраненя, да небы были преварени. Неможе царъ быти безъ саветника, кои га подпомажу, и у ков се онъ поверава, ербо неможе онъ све самъ свршивати. У осталомъ царъ много манѣ познає люде, кои га окружаваю, него часни люди; люди се свагда претвараю предъ нѣимъ, и употребляваю сваке родове хитрости, како ће га преварити. Ахъ драги Телемаче! то ће те вы сасма искусити. Ненаоде се у людма ни добродетельи, ни дарови, што у нѣима тражимо. Макаръ се колико трудили нѣи познати и макаръ ій како мерили, свегда се у нѣима варамо; никада се неможе доспети до конечнога намереня учинити изъ нѣи добре люде, у чему бы сасма имали потребу трудити се за общество. Люди имаю своя упорства, нестрпленя, и свое зависти, нити се могу убедити, нити и найманѣ што поправити.

Чимъ више народомъ имамо управляти, тимъ су више потребни министри, да се учини нѣима оно, што сами собомъ свршавати неможемо; и што више морамо употреблявати люде, и нѣима власть поверавати, тимъ смо више подложни преварама у таковомъ избору. Еданъ данасъ немилосердно осуђава царева, кои бы сутра грѣе и хуѣе управляю народомъ, него они, и кой бы учиніо исте погрешке с' другима далеко већима, да му се даде она вѣста власть, часно ставѣ, особито кадъ имаде нешто дара да добро умствує, да сакрива свое вѣстевене недостатке, да узвишує дарове заслепителне, и да показує мнимо човека достойна свакога господованя, одъ кога є онъ удалѣнъ; али власть поставля све дарове ума на тврдо некушенѣ, и открива велике погрешке.

Вѣличество є подобно некимъ стаклама, коя увеличаю све предмете. Све погрешке чине се, да расту на тимъ високимъ ме-

стама, гди найманѣ ствари имаю велика слѣдства, и гди найлакше погрешке вуку насилне противоударе; цели се светъ занима сматраюћи безпрестано єднога човека, и осуђаваюћи га свакомъ строгошћу. Они, кои га осуђаваю, немаю никаква искусства одъ оногъ станя, у коме се онъ наоди: нечувую нимало препоне, и недопуштаю му, да се назива човекомъ, толико савршенства одъ нѣга зактеваю. Царъ, макаръ како добаръ и мударъ да буде, іоштъ є єднако човекъ. Нѣговъ духъ имаде пределе, а нѣгова добродетель има ій такођеръ. Имаде онъ расположенѣ духа, страсти, обичає, надъ којима ніє башъ савршени господаръ. Обсађенъ є людма користолюбивимъ и хитримъ: ненаоди ни мало помоћи, кою тражи. Сваки данъ пада у превару; садъ чрезъ свое, садъ опетъ чрезъ свои министра страсти. Єдва є єдну погрешку исправіо, а већъ пада у другу. Таква є срећа царева најпросвештени и најдобродетельніи.

Найдужа и најболя царства одвећъ су кратка и несавршена, да бы се на концу поправити могло оно, што се у почетку неотице укварило. Царованѣ носи са собомъ све те худости. Немогућство човечіє пада подъ тако силнимъ теретомъ. Валя оплакивати и извинявати царева. Нису ли за сажаленѣ, кадъ мораю управляти толикимъ людма, којима су безпределне потребе, и кои причиняваю толике труде онима, кои су ради добро управляти? да речемо слободно, люди су одвећъ за оплакиванѣ, што мораю бити управляни царемъ, кой є и самъ човекъ подобанъ нѣма; єрбо само єдини богови могу поправляти люде. Но цареви су іоштъ више за сажаленѣ, будући люди, то єсть слаби и несавршени, мораю управляти томъ безбройномъ множиномъ люди покварени и варалица.

Телемакъ са живошћу одговори: Идомеңей є изгубіо своіомъ погрешкомъ царство свои предака у Крети; а безъ ваши савета изгубіо бы и ово друго у Саленту. Признаемъ, одговори Менторъ, да є онъ велике погрешке починіо. Али тражите по целой Грчкой, и по свимъ другимъ земляма благоуређенимъ, кога цара, кой небы учиніо погрешке неизвинююће. Найвећи люди имаю у своємє склопу и у характеру свога духа слабости, коє нѣи одвлаче. Најпохвалніи су они, кои имаю мужества да познаду и да поправе свое заблуде. Мислите ли вы, да Улисъ, вашъ родитель, кой є образъ целой Грчкой, нема и самъ свои слабости и свои погрешака? да га узастопце ніє

Минерва руководила, колико пута небы и онъ падао у опасности и сметнѣ, у којима се в среѣа играла съ нѣме! колико га пута нѣ Минерва уздржавала или исправляла, да бы га свагда проводила къ слави путемъ добродетельи! Немислите, и кадъ га башъ видите да царуе са славомъ у Итаки, да ѣете га наѣи безъ несавршенства. Вы ѣете га у томъ безъ сумнѣ видити. Грчка, Азія, и сви острови мора дивили су се нѣму при свимъ нѣговимъ погрешкама; хиљада удивителни свойства чинила су да се на нѣи забораваи. Вы бы пресреѣни были, да му се и сами можете дивити, и да се одъ нѣга учите безпрестано као одъ свога образца. Привикните се Телемаче, да не очекивате одъ найвеѣи люди друго што, кромѣ оно, што човечество чинити може. Младежъ неискусна предае се надменомъ осуѣеню, кое нѣой све образе мрскима чини, по којима бы се морала владати; и кое ню забаца у неизлечиму непослушность. Вы сте не само дужви любити и почитовати вашего родителя и подражавати му, ако и нѣ башъ савршенъ, него іоштъ морате имати високопочитаня и къ Идоменею при свемъ томъ, што самъ я нѣга укоравао. Онъ в наравно простодушанъ, правичанъ, справедливъ, штедаръ, благодетелянъ; нѣгова в храбрость савршена; онъ мрзи на превару, кадъ ю сазна, онъ слѣдуе вольно истиной склонности свога ерца. Сви нѣгови унутрашњи дарови велики су и сарамерени нѣговомъ месту. Простота нѣгова, којомъ свою неправицу приознае, нѣгова благость, нѣгово трценѣ, којимъ ми дав да му говоримъ найсуровіе ствари, нѣгово мужество противу самога себе за исправити явно свое погрешке, и поставити себе сврхъ сваке осуде човечіе показую заиста душу велику. Среѣа в, кадъ советъ другога може сакхранити одъ погрешака човека одвеѣъ средня. Особльива добродетель може приклонити цара задуго варана ласкателствомъ, да поправи свою неправицу. Много в славнѣ тако себе подигнути, него никадъ неподати.

Идоменей учиніо в погрешке, какове сви цареви чине, но поготову ни еданъ нѣ учиніо, да се поправи као онъ. Што се мене тиче, я му се безпрестано чудимъ башъ у само време, кадъ ми небы дозволіо, да му противно говоримъ. Дивите му се такоѣеръ и вы драги Телемаче; я, не толико ради нѣгове похвале, колико ваше ползе ради, даемъ вамъ овай советъ.

Менторъ овимъ речма даде Телемаку познати, колико в опасно, быти неправеданъ, строго осуѣаваюѣи друге люде, осо-

бито онакове, кои су обременѣни сметњама, трудовима и препонама правителства. После му рече: време є, да полазите. Съ богомъ; я ѣу васъ чекати драги Телемаче, спомените се, да се они, кои имаю страа къ боговима, немаю ничега бояти одъ люди. Вы ѣете се наодити у крайњимъ опасностима; али знайте, да васъ Минерва никада оставити неѣе. При овимъ речима, мисляше Телемакъ да осеѣа присуство богинѣ; онъ бы є за цело познао, да є то она, коя говораше да бы га испунила поверенѣмъ, да богиня небыаше позвала образъ Ментора говореѣи му: незаборавите сине мой сва стараня, што самъ я имаю у време ваше младости, да бы учиню васъ мудримъ, храбримъ, као што є и вашъ родитель. Нечините ништа што небы было достойно нѣгови велики примера и правила добродетельи, коя самъ вама я радъ быо улиги.

Сунце исхоѣаше веѣъ, и позлаѣиваше врхове брда, када царевн изъ Салента изиѣоше, да бы приспели къ нѣовимъ войскама. Те войске ноставлѣ є около града ступише у походъ подъ своимъ заповедницима. Са сви се страна виѣаше блистанѣ гвожѣа одъ исправлѣни копаля, а сѣинось штитова заслѣпляваше очи. Облакъ одъ прашине подиже се подъ небеса. Идомеѣей съ Менторомъ испрати у полѣ цареве саюзне, и удалѣи се одъ стена градски. Напоследку разстадоше се преподавши съ єдне и съ друге стране знаке правога прѣятельства. Саюзници се веѣъ несумняю више, да неѣе миръ быти постояѣъ, кадъ познадоше доброту срца Идомеѣеева, ков су нѣима са свимъ другояче изображавали, него што є было. О нѣму су судили, не по нѣговима естественимъ чувствама, него по савѣтима ласкателнимъ и неправеднимъ, коима се є онъ предавао.

Кадъ отиде воинство, Идомеѣей проведе Ментора по свима обделеняма града; да видимо, рече Менторъ, колико имате люди и у граду и на полю; айде да ѣй преброимо. Да видимо, колико имате землѣделаца меѣу тѣмъ людма; да видимо, колико ваше землѣ доносе у средиѣ године ране, вина, зейтина и други полезни ствари. Мы ѣемо тимъ начиномъ дознати, може ли земля препитавати све свое жителѣ, и може ли ѣоштѣ производити съ чимъ ѣе постати трговина полезна, нѣзиномъ излишноѣу са земляма странима. Испытаймо такоѣеръ, колико имате лаѣи и матроза; по томе се суди о вашемъ могуѣству. Онъ поѣе, да посмотри пристаниште, уѣе у сваку лаѣу. Даде се известити о земляма, у ков свака лаѣа иѣаше поради трго-

вине, какове еспапе износаше, и какове натрагъ доносаше; колко се оће лађи трошка за време пловленя; займе, ков трговци еданъ другомъ чине; друштва, коя они саставляю међу собомъ, да би дознао есу ли она праведна и верно наблюдаема, наипосле несреће кораблѣкрушеня и остале злосреће трговине, да бы предваріо пропаданѣ трговаца, кои изъ жеђи за добити, предузимлю често дела преко свое снаге.

Онъ зактеваше, да се банкротства строго казне, зашто и она, коя нису учинѣна преваромъ, нису изузета одъ несмыслености. У исто време онъ постави правила, да се небы никада учинило банкротство; постави судове, којма трговци одавау рачунъ одъ свои еспапа, свои добита, свои трошкова и свои предузећа. Тада се запрети трговцима, да неризикую съ туђимъ добромъ, а и са своимъ собственимъ да немогу ризиковати осимъ до половине; они сувише чиняу у друштву предузећа што немогау сами: уредба ти садруштва быяше невредима збогъ строгости каштига за оне, кои се небы по нъой владали. Иначе была в слобода трговине цела, на место што бы е удручавали съ налозима, то бы се іоштъ обећавала свима трговцима награда, кои бы могли привући у Салентъ трговину каквога новаго народа.

Тако множина народа дође у Салентъ са своію страна. Трговина овога града постаде као приливъ и одливъ морски. Ту се нагомилаше сокровишта, као што дооде волне морске една на другу. Све се ту слободно приносаше и односаше. Све што ухођаше, быяше полезно, све што исхођаше, оставляше исходећи друга богатства на свое место. Строго правосуђе предсеђаше у пристаништу посредъ толики народа. Вольность, праводушіе и чистоердечность виђаше се, као да с' висине ти горди кула призива трговце найудалѣнии земаля. Трговци, дошли они одъ брегова источни, гди сваки данъ сунце изъ недара морски излази, или одъ онога великого мора, гди сунце отегоћено своимъ токомъ угашава свое огнѣве, живляу мирно и безопасно у Саленту, као у своме отечеству.

Што се тиче внутрености града, Менторъ промотри све магазине (скровишта), све раднице художника, и сва явна места, а товаре страни земаля, кои бы могли увести раскошъ и мекость, забрани. Оделя, храму потребне ствари, великолѣпіе и украсе домова за све родове различна станя уреди. Онъ прогна све украсе злата и сребра, и рече Идоменею: я едно

едино средство познаемъ, коимъ бы вы учинили вашъ народъ умеренимъ у трошковима: то есть, да му вы сами у томъ подате примеръ, потребно е, да сохраните неко величество у вашей унутрашности. А господство ваше быће довольно означено хранительима вашимъ, и началнимъ чиновницима, кои васъ обколяваю. Будите задоволянь еднимъ оделомъ одъ найтанѣга сукна боядисаногъ пурпурнимъ цветомъ (црвенимъ); а велможе царства нека буду одевене за вама тимъ истимъ сукномъ, и сва разлика нека буде само у бои (цвету?) и у некомъ лакомъ златотканю, кое ѣте носити на край одеда. Различне боє служићеду за разлику разногъ станя, не имаюћи нужде ни у злату ни у сребру ни у драгомъ каменю. Уредите станя по роѣню.

Ставите у први редъ оне, кои имаю благородство старіе и сяйніе. Кои имали буду заслугу и силу службе, быћеду доста задовольни, ако поѣу за тимъ древнимъ и славнимъ породицама, кое су у тако давномъ притяжаню први достоинства. Люди, кои немаю подобнога благородства, уступіће имъ ласно, ако ій само привикнете, да себе познаю у сасма скорой и високой срећи, и ако узпохваљуете умеренѣ они, кои ћеду бити благоразумни у срећномъ станю. Она е разлика найманѣ подложна зависти, коя происходитъ одъ дугогъ слѣдства предака.

Што се тиче добродетельи, она ће бити доста пробуѣена, и люди ће имати довольно ревности къ царству, ако вы само уздаете венце и статуе славнимъ делима, и ако то буде почетакъ благородства за децу они, кои тако буду чинили.

Лица првога реда, после васъ быћеду одевена у беломъ са златнимъ ресама доле на нѣовомъ оделу; на прсту носићеду златанъ прстенъ, а на врату златну колајну съ вашимъ образомъ. Они одъ другога реда быће одевени у плаветно, и имаће сребрне ресе съ прстеномъ, но безъ колийне; трећи ће бити одевени у зелено безъ прстена, безъ реса, но с' колајномъ сребрномъ; четврти у зорожуѣкасто; пети у бледоцрвено; шести у тамнозелено; седми, кои ће бити последњи одъ народа, имаће одело смешаногъ жутобеличестогъ цвета.

Ево одеда одъ седамъ различни станя за слободне люде. Робови нека буду одевени пепелясто тамнимъ цветомъ. Тако безъ свакога трошка, сваки ће бити разликованъ по свомъ станю, и прогнаћеду изъ Салента сва художества, коя одржаваю надмѣность. Сви художници, кои бы были употребљени

у та художества, служићеду или художествама нужнимъ, коя су у маломъ брою, или трговини или землѣделию. Никада се неће трпити ни една измена ни у естеству матеріе, ни у форми одела; ербо недостојно е, да се люди, определѣни к' животу земишлѣномъ и благородномъ, забавляю изобретавајући усиљна кићеня, и да пуштаю да и њіове жене, којима бы та кићеня безстиднїя была, падаю икада у таково иступленѣ.

Менторъ подобанъ искусноме вртоградару, кой на своимъ воћкама пресеца бесплодно дрво, стараше се на исти начинъ да пресече безсмислену надмѣность, коя развраћаваше нраве, и довођаше све ствари к' благородной и польской простоти. Истимъ начиномъ уреди онъ препитанѣ грађана и робова. Каква срамота, веляше онъ, да люди найузвишенїи полагају свое величество у новоизнађенимъ елима, којима они разслабляваю свою душу, и нечувствено обараю здравлѣ свога тела! Они су дужни полагати свою срећу у својой умерености, у својой сили да чине другимъ людма добро, и у поштеню, кое њима њіова добра дела прибавляю. Трезвеность чини најпростию рану преблагопрїятномъ: она дае с' најкрепчимъ здравлѣмъ увеселеня најчистїя и најпостоянїя. Нужно е дакле, да ограничите ваше обеде најбольшимъ елима, но зготовлѣнимъ безъ свакога куварскога майсторисаня. Оно се художество зове трованѣ люди, кое узбуђуе апетитъ њіовъ преко њіове праве потребе.

Идоменей добро познаде, да немаше у томъ право да остави обитателѣ свога новаго града, да се размажаваю и да кваре свое нраве повређавајући законе Миноса у умерености; но мудри Менторъ учини му примечанѣ, да бы и сами закони, и ако поновлѣни, были бесполезни, ако примеръ царевъ њима не даде силе, коя иначе не може доћи. Упутъ Идоменей уреди свой столъ, на коме ништа недопусти осимъ изреднога хлеба, земскога вина, кое е яко и прїятно, но у врло малой количини, с' елима простимъ, какова е во с' осталимъ Грцима у обсади Троянской. Нико се несмеде потужити на правило, коме се и самъ царъ подвргну. Тако сваки себе поправи одъ роскошства и деликатности, у кое су се были почели утоплявати у обедима. Онда Менторъ укину музику меку и женоподобну, коя развраћаваше сву младость. Не маньомъ строгошћу осуди онъ музику бахову, коя више опїя него вино, и производи нраве нуне развратности и безстидности. Сву музику прида

онъ само еднимъ празнованяма у храмовима, да бы ту попева-ли хвале богова и хероя, кои су давали примере найреѣи добродетельи. Онъ дозволи само за храмове велика архитектурна украшеня, као што су стубови, Фронтони, и предверя. Просте и пріятне форме архитектуре дозволи, да бы построіо у среднѣмъ простору домъ весео и удобанъ за многе породице: таковимъ начиномъ, да буде обрнутъ къ здоровоме изгледу, да су му собе едне одъ други одвоене, да се поредакъ и чистота ласно одржавати може, и да буде одржаванъ съ малимъ трошкомъ.

Онъ захтеваше да сваки мало повеѣи домъ има, едну салу, едавъ унутрашњи дократъ са малимъ собама за сва слободна лица, али сасма строго забрани излишну множину и величество соба. Те различите форме домова по величини породица, служау съ мало трошка к' правилномъ украсу. Место што друга часть веѣъ окончана по упорству и надмености поедини люди не имаѣаше противъ свое величествености расположенъ нити пріятно нити удобно. Тай нови градъ быяше построенъ за кратко време, ербо суседна страна Грчке даваше добре строячс, и што су довели велики брой зидара изъ Епира, и изъ многи други земали с' томъ погодбомъ, да се, кадъ сврше свое послове, населе око Салента, и да приме землѣ, да ѣй обделаваю, и да бы ѣопѣ служили да испуне полѣ народомъ.

Живописанъ и резанъ чиняу се Ментору као художества, коя нетребаше одбацити; но онъ захтеваше, да мало буде люди привезани за та художества. Онъ подиже училишта, у коима учителя быяу изреднога вкуса, кои испытывау младе ученике. У тимъ художествама неваля ништа худо и слабо, коя нису са свимъ потребна, слѣдователно неваля к' томе пуштати друге, кромъ младиѣе одъ такове способности, кои много обеѣаваю, и кои склоность имаю к' савршенству; остали су роѣени за художества манѣ благородна, и они ѣеду быти полезниѣ употреблѣни у потребама обичнимъ у држави. Валя употреблявати резаче и живописце само за одржанъ спомена велики люди и велики дела. У зданяма явнимъ или при гробницама мораю се одржати представе свега, што е учинѣно было, с' особитомъ добродетельи за ползу отечества.

У осталомъ умереность Ментора нимало ніе препречима, да небуду у уваженю сва велика зданія определѣна за трчанъ коня и кола, за битке бораца, такоѣеръ за игру Цеста и за

сва друга упражненя, коя обучаваю телеса, и чине їй способнимъ, виткимъ и крепкимъ.

Онъ умали превелики брой трговаца, кои продавау ствари ткане у далекимъ земляма, златотканя одъ велике цене, судове одъ злата и сребра съ образима богова, люди и животиня, на последакъ спирита и мазаня. Іоштъ зактеваше онъ, да покуѣства домаѣа буду проста и тако начинѣна, како ѣе задуго траяти. Тако, да Салентини, кои су се явно тужили на бедность свою, почеше веѣъ осеѣати, колико имаю излишни богатства; али то быяу лажна богатства, коя нѣи беднима чиняу: они у ствари постадоше богати по мери добивенога мужества, да їй одъ себе одбацаю. Онда се зове себе обогаѣавати, кадъ се презиру богатства, коя исцрплюю царство, и умаляваю свое потребе приводеѣи їй къ правимъ нуждама естества.

Менторъ похита посмотрити све оружнице и магазине, да бы дознао есу ли оружїя и све остале ствари къ войни потребне у добромъ станю: ербо е, говораше онъ, нужно свагда бити готовъ за войну, да небы никада били принуѣени къ той несреѣи, да е чинимо. Онъ наѣе, да свуда у многимъ стварима понешто оскудеваше. У путь сабраше коваче, да кую гвозѣе, челикъ и мѣдъ. Подигоше се пеѣи гореѣе, димови и огнѣви подобни огнѣвима, кое блюв брдо Етна. Чекиѣъ се чуяше на накованю, кои стенияше подъ удвоє! имъ ударама. Брда суседна и брегови мора одзивау се одъ тога. Мислили бы да смо на ономъ острову, гди вулканъ, одушевляваюѣи циклопе, куде громове заради оца борова. И мудримъ предвиѣенѣмъ ту се примечавау у найдублѣмъ спокойству припреме за войну.

Потомъ Менторъ изиѣе съ Идоменеємъ изъ града; и наѣе велико пространство земаля, кое стаяу необделане; друге обработане само до половине, небреженѣмъ и бедношѣу делаоца, кои, неимаюѣи люди, лишавау се такоѣеръ и мужества и крепости телесне за оставлянѣ землѣделства у савршенство. Менторъ видеѣи то запуштено полѣ рече цару: овде земля ништа друго незактева, кромъ да обогати жителѣ; али се она лишава жителя. Да узмемо дакле оне излишне художнике, кои се у граду наоде, и кои занати служе само за поквариванѣ нрави, да обделаваю ове равнине и холмове. Истина е, да е то една несреѣа, да сви они люди, кои су вични у тимъ художествама, коя зактеваю седеѣи животъ, нису се научили у послованю. Но ево средства, коимъ се томе помоѣъ може дати: валя разделити меѣу нѣима землѣ празне, и позвати имъ у помоѣъ на-

роде суседне, кои ће подъ нѣма радити наймучнѣе нослове. Ти народи чинићеду то, ако имъ се само обећаю награде приличне плодовима исти земаля, коє ће они обработавати: за тимъ ћеду они моћи одъ нѣ притяжавати єдну часть, и тако быти присаєдинѣни нашемъ народу, кои є маленъ. Ако само буду трудолюбиви и покорни законима, вы нећете имати больи подани, и они ћеду приумножити ваше силе. Художници ваши одъ града премештени у полѣ воспитаћеду нѣову децу къ труду и къ вкусу польскога живота. Шта више, сви зидари изъ страни земаля, кои праве вашъ градъ, подватили су се да обработаваю єдну часть ваши земаля, и да се учине землѣделцима. Присаєдините їй вашему народу, како докончаю све послове градске. Ови делаоци быће усхићени, што ће быти обвезани да проводе животъ свой подъ владомъ сада тако благомъ. Као што су крєпка тела и радени, нѣовъ примеръ служиће за узбућенѣ къ трудолюбію кодъ художника премештени изъ града у полѣ, съ коима ће они быти помешани. По томъ ће цела земля быти населѣна породицама цвєтаюћимъ и оданима землѣделію.

У осталомъ нимало се не брѣните о умноженію тога народа: онъ ће ускоро постати безброянъ, ако вы облакшате супружества. А средство да се облакшаю иста єсть сасма просто. Сви се люди готово желе женити; али имъ є єдно сиромаштво у томъ препрека: ако їй вы необтеретите данкомъ, они ће безъ муке живити съ нѣовимъ женама и съ нѣовомъ децомъ: єрбо земля нѣе никада неблагодарна, она свагда дає храну одъ свои плодова онима, кои ню са старанѣмъ обделаваю. Она неодриче своя добра никоме, кромъ само онима, кои се плаше да труда положе около нѣ. Што землѣделци имаю више дечице, то су богатїи, ако їй влдаоць не приводити у беду; єрбо нѣова деца одъ саме найнежнѣе нѣове младости починю имъ помагати. Наймлађи чуваю овце у полю, други, што су већи, чуваю већъ велика стада, а найстарїи раде са своимъ родителѣма. Међу тимъ мати и цела породица приуготовлява простъ обедъ своєму супругу и своіой предрагой деци, кои ће утрућени дневнимъ посломъ вратити се кући: она носи бригу, како ће музти свое краве и свое овце, и већъ теку потоци млека. Она наложи велики оганъ, около кога цела невинна породица и спокойна съ радошћу весели се свако вече дочекиваюћи сна: она приправля сиръ, кестенѣ и плодове одржане у свежности, као да су їй топрвъ узабрале.

— ан —

Пастиръ долази дома съ Фруломъ, и пѣва сабраной породици нове песме, што ѣ научіо по суседнимъ колибама; орачь се враћа съ плугомъ: и нѣгови утруђени волови иду съ вратомъ оборенимъ, ходомъ тихимъ и позднимъ, небоѣи се бича, што надъ нѣима пуца. Све неприятности трудова скончаваю се съ даномъ. Сневая, коя санъ по заповести богова простире по земљи, умираваю све црне бриге своимъ чарима, и држе цело естество у некомъ сладкомъ устргу; сваки заспи непредвидѣи трудове будућега дана.

Блажени су они люди безъ честолюбія, безъ сумняня, безъ хитрости, ако имъ само богови даду доброга цара, кои имъ несмућава нѣюву невиную радость! но какво ѣ ужасно безчовечно отимати нѣима съ намеренѣмъ пунимъ високоумія и честолюбія сладке плодове земль, коѣ они недобіяю одъ другогъ когъ кромъ одъ штедрога естества и одъ зноя свога лица. Само естество произвело бы изъ свок плодоносни недара све, што бы годъ потребно было за безконечни брой умерени люди и трудолюбиви; но гордость и леньость неки люди приводи толике друге у ужасно сиромаштво.

Што ѣу чинити, говораше Идомеией, ако ти народи, коѣ ѣу я населити на та плодна поля, пренебрегну обработавати ѣй?

Чините, одговори Менторъ, са свимъ противно оному, што обичайно чине владоци лакомии и безъ предвиђаня; стараю се само о томъ, како ѣеду обременити подачицима оне изъ меѣу свок подани, кои су найбогатии и найтрудолюбивии да учине нѣюва добра одъ вредности. То чине, зашто се надаю одъ нѣи найлакше наплатити се, а у исто време они манѣ обременяваю оне, коѣ леньость чини іоштъ сиромашнимъ. Развалите тай зли поредакъ, кои удручава добре, и награђава пороке, и кои уводи тако жалосно небреженѣ цару, као и самое целомъ царству. Налажите таксе, новчане каштиге, и іоштъ, ако узпотребуѣ, и друга строга наказаня на оне, кои иренебрегну свое нѣиве, као што бы сте за оне наложили каштиге войничке, кои бы оставили свок место у време войне. Напротивъ указуйте милости справъ они породица, коѣ умножаваюћи себе, умножаваю по томе и образованѣ целе земль. Ускоро ѣе се породице умножити, и цели светъ быѣе одушевльнѣ к' послу, кои ѣе остати у поштованю.

Занатъ земльделца неѣе быти више у презреню, небудући више обтерећенѣ толикимъ залама. Видиѣемо плугъ у части

при рукахъ победоносимъ, коє су браниле отечество. Лепше ће быти обработавати наслеђе свои предкова у време срећнога мира, него га одбранявати у време смутњи войне. Цело ће полъ опетъ процветати. Церера ће се увенчати златнимъ класима. Бакусъ газиће своимъ ногама грожђе и учиниће, да потеку с' брда потоци вина слађа одъ Нектара: дубоке долине раздаваће гласе песама и свирала пастира, кои ће по дугимъ бистримъ потоцима присаєдинити своє гласове к' фрулама, докъ међу тимъ нѳова стада подигравајући пасу по трави и по цвєћу, небоєћи се вукова.

Нећете ли быти вы одвећъ срећни Идомеене, што ћете быти источникомъ толики добара, и што ћете чинити, да живе подъ сенкомъ вашєга имена толики народи у тако любкомъ спокойству. Нїє ли та слава много слађа, него она отимати землѣ, простирати свуда, готово толико и у своє царству у средъ сами победа, колико и кодъ страни побеђени народа крвопролиће, смутню, немоћъ, ужасъ, опустошенѣ, свирєпу гладъ и очаянѣ.

О блажена цара много люблѣна одъ богова, кои има срце велико, да намери назвати се сладостъ народа, и показати свимъ вековима тако чарно позориште свога владаня! цєла земля место што бы се бранила са свима, припала бы к' нѳговимъ ногама, и молила бы га, да надъ нѳомъ царує.

Идоменей му одговори а кадъ народи буду тако на миру и у изобилю, сладости ће їй размазати, и они ће обрнути оне силе противу мене, коє ћу имъ я дати.

Небойте се нимало тога злогъ случая, рече Менторъ; то є само изговоръ, кои се употребљава за ласкати владоцима разкошнимъ, кои су ради да обтерете своє народе налозима. Средство є лако: закони, коє смо установили за землѣделїє, учинићеду нѳовъ животъ трудулюбивимъ; и у нѳовомъ изобилю они ћеду само потребна имати, єрбо мы украћавамо сва художества, коя даю излишность. Само то изобилѣ умали ће се чрезъ лакость супружества и чрезъ велико умноженѣ пороци. Свака породица многобройна, и имаюћи мало землѣ, имаће потребу да обработава ту землю безпрестаннимъ трудомъ. Мєкость и ленность чине народе безстидне и бунтовне. Они ће ду истина имати изобильно хлеба; но ћеду имати хлеба и плодова одъ нѳове собствєне землѣ, добивєни зноємъ свога лица.

Да бы придржавали вашъ народъ у умерености, нужно е радити обширность земаля, кое ће свака породица моћи при-тяжавати. Вы знате, да смо разделили савъ вашъ народъ у се-дамъ класа по разнимъ станяма; свака породица треба оноли-ко да држи пространства землѣ, колко е необходимо нѣйзи нужно да препитава брой душа, изъ кои ће се састояти. То правило кад буде неповредимо, благородни немогу чинити приобре-теня сврхъ бедни: сви ћеду имати земаля; но сваки ће има-ти помало, и тимъ бити побуђенъ, да ѿ добро обрађуе. Ако у дугомъ току времена овде нестане земаля, онда бы се учи-нила населеня, коя ће умножити силе овога царства.

Я мислимъ, да вы и на то добро мотрите, да недопусти-те вино, да буде обичайно у вашемъ царству: ако е много ви-нограда посађено, валя ѿ попарложити; вино е изворъ найвѣщи зла међу народима: оно причинява болести, распре, буне, ле-ньости, одвраћуе одъ послованя, и прави безпоредке у породицама. Нека се вино држи, као неки родъ лекарства или спирита од-вѣщъ редка, кой да буде употребляванъ само при жертвованя-ма и при особитимъ празнованяма. Но немойте се надати, да ће се то важно правило наблюдавати, ако вы сами у томъ не-дате примера.

У осталомъ валя да учините, да се невредимо сохранява уређенъ Миноса о воспитаню млади: валя подигнути явна учи-у коима да се преподае стра боговима, любавъкъ отечеству, по-читанъкъ законима, предпочитанъкъ чести удовольствама, на башъ и самоме животу.

Валя имати судове, кои ће позоръ имати на породице, и нарави часни люди. Пазите и вы сами, вы, кой сте царъ, то естъ пастиръ народа за то, да бдѣте данъ ноћ на вашимъ стадомъ: чрезъ то ћете предохранити безконечни брой безо-редака и злочинства: а кое предусрести неможете съ почетка, онда ѿ каштигуйте. Благость е давати съ почетка примере, кои уздржаваю токъ неправди. Са мало проливане крви благо-временно заштеђуе се много, и вы себе поставляте у станъ да васъ се бое люди, неупотребляваюћи често строгости.

Али какво е оно мрско правило, мислити, да се безбед-ность наоди само у притесненю народа! непоучаваюћи ѿ, не-приводећи ѿ къ добродетельи, недаюћи се одъ нѣи никада любити, дотериваюћи ѿ са страомъ до очалня, приводећи ѿ у люту неволю, или да немогу никада слободно дѣяти, или да

збаце ярамъ ваше тиранске владе; али то оно право средство да се царув безъ смутнѣ? то ли е онай прави путь, кой води къ слави?

Опомените се да су землѣ, у коима е владѣнїе цара найнеограниченїе, оне, у коима су цареви безсилни. Они узимаю и обараю све, они сами притяжаваю сво царство; но цело царство лежи немоћно: поля су имъ пренебрежена и запушћена, градови се сваки данъ умаляваю, трговина изнемогава. Царъ, кой неможе самъ царъ бити, и кой се незове великъ, развѣ збогъ свогъ народа, уништава самъ себе мало помало чрезъ нечувствено уништѣнѣ народа, одъ кои добива своя богатства и свои силе. У царству му нестает новаца и люди: а ово последнѣ изгубленѣ веће е и непоправимѣ. Нѣгова неограничена власть чини толико робова, колико имаде поданика: люди му ласкаю, чине се, као да га обожаваю и стрепе при найманѣмъ нѣговомъ погледу. Но чекайте найманю буну; та чудновата сила терана чакъ до прежестокогъ вступленя неможе траяти: она нема у срцу народа никакве помоћи; она е уморила и раздражила ева телеса царства, принуђаваюћи све членове ти телеса да уздишу за изменомъ. При првомъ удару, кой му се учини, идолъ пала, разбія се, и гази се подъ ноге. Презрѣнѣ, ненависть, освета и неповерѣнѣ саєдиняваю се противъ такве скаредне власти. Царъ, кой у својој суетној срећи ненаоѣшаше ниєдногъ доста слободногъ човека, кой би му казао истину, неће наћи у својој несрећи ни єднога човека, кой би га удостоїо или извинити га или бранити га одъ нѣгови неприятеля.

После овога разговора, Идоменей уверенъ одъ Ментора, похити да раздели празне землѣ, да їй испуни художницима бесполезняма, и да извиди све, што быяу заключили: онъ само за зидаре земаля задржи, коє имъ быяше обеѣао, и коє они немогу пре обделавати, докъ неби окончали нѣнове послове у граду.

Конацъ кнѣиге дванаесте.